

Н. Ф. Котляр

КЛАДОИСКАТЕЛСТВО И НУМИЗМАТИКА

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Н. Ф. КОТЛЯР

**КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО
И НУМИЗМАТИКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКОВА
ДУМКА»

КИЕВ—1974

902.9
K73

Легенды о тайнах кладов передаются из поколения в поколение. Клады находят и теперь. Как правило, это кувшины или горшок с одним-двумя десятками испорченных временем монет. Стоимость такого клада невелика, но для науки он имеет огромное значение, как свидетель истории. Обо всем этом рассказывает брошюра.

Читатель побывает в творческой лаборатории нумизмата-исследователя, познакомится с методикой его работы, узнает, кем, как и для чего прятались клады, с какой целью изучают их ученые.

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей.

Редакция научно-популярной литературы

К $\frac{0162-139}{M221(04)-74}$ БЗ-28-6-73

© Издательство «Наукова думка», 1974 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нумизматикой называют специальную историческую дисциплину, предмет изучения которой — древние монеты. Название происходит от латинского слова *numisma* — монета.

Нумизматика сравнительно молодая наука, ее материальная база и методика исследований сформировались на протяжении последнего столетия, тогда как историческая наука существует уже более двух тысяч лет. Нумизматика выросла из коллекционирования старинных монет, зародившегося еще в древности. Уже в Риме I—II вв. н. э. были коллекционеры, собиравшие не только римские, но и более старые греческие монеты. Письменные памятники средневековья содержат немало упоминаний о больших коллекциях монет, принадлежавших королям, герцогам, князьям и другим крупным феодалам. Собрание монет продолжалось и в новое время.

Основой многих современных коллекций, даже богатейших, были частные собрания монет. Например, огромная систематическая коллекция русских монет Государственного Эрмитажа своей полнотой обязана уникальному собранию И. И. Толстого, который был не только коллекционером, но и известным ученым-нумизматом.

Коллекционирование древних монет — увлекательное и полезное дело. Небольшой кусочек отчеканенного металла перебрасывает невидимый мостик между современностью и далеким прошлым.

Собрание монет должно быть продуманным и целенаправленным. Не следует оставлять в коллекции все, что попадает в руки.

Лучше всего сделать ее тематической, коллекционировать монеты определенных эпох или стран. Наиболее полезно коллекционирование монет, имевших в древности хождение на территории нашей страны. Это поможет полнее изучить ее историю, познакомиться с теми ее страницами, которые не отражены в учебниках и исторических трудах.

Многие современные ученые-нумизматы в детстве увлекались коллекционированием монет. Эту страсть они пронесли через школьные и студенческие годы, избрав своей специальностью нумизматику. Возможно, кое-кто из наших читателей тоже придет к настоящей науке через коллекционирование монет.

В этой книге мы расскажем о методах исследования, которыми пользуются ученые-нумизматы, показав при этом, какие интересные сведения скрывают в себе древние монеты. В основном рассказ построен на результатах исследований и наблюдений автора. Читатель познакомится также со способами изучения нумизматических памятников, узнает о различных монетах, бывших в денежном обращении на территории Украины в течение более чем тысячи лет, о том, как они чеканились. Книга написана преимущественно на украинском нумизматическом материале.

Автор надеется, что его труд будет полезным не только собирателям древних монет и музейным работникам, но и историкам, краеведам, археологам.

Автор выражает благодарность доктору исторических наук И. Г. Спасскому (Ленинград) и кандидату исторических наук В. Н. Рябцевичу (Минск) за советы и помощь иллюстрированным материалом.

ИСКАТЕЛИ КЛАДОВ

Летом 1967 г. на страницах центральных газет появилось такое сообщение: «Уже несколько лет в Смоленской области, на Стоячем озере, ведутся поиски «клада Наполеона» — ценностей, которые якобы были спрятаны им во время бегства из Москвы. На озере сейчас начали работу электроразведывательный отряд Воронежской геофизической экспедиции, сейсмокаротажный отряд из Калуги и аквалангисты — члены морского клуба при Московском авиационном институте». Следовательно, клады ищут и в наше время? Ищут, да еще, как видим, с применением новейшей техники и с немалыми затратами средств. Куда уж бедному Бонавентуре с его примитивным снаряжением — щупом и веревкой. Вы, конечно, помните этого кладоискателя-неудачника, о котором один из героев комедии И. К. Карпенко-Карого «Сто тысяч» говорит: «Как будто и умный, а глупый. Тридцать лет ищет клады и голым стал, как бубен, потому что все на кладах, говорят, прокопал».

С незапамятных времен по свету бродят искатели кладов. Люди разных профессий и характеров, старые и молодые, сообща и в одиночку ищут бочонки с золотом, жемчуг и самоцветы, мешки с соверенами и дукатами, драгоценные цепочки и украшения — все, что их взбудораженное воображение рисует при слове «клад».

В тысячах сказок, легенд, преданий, песен рассказывается о спрятанных в далеком прошлом кладах и об увлекательных приключениях их искателей. Традиция, то

есть передача из уст в уста и из поколения в поколение, придавала им богатое оформление в виде драматических, а иногда и фантастических аксессуаров, связанных с сокрытием и отыскиванием кладов.

Сведения о кладах и о людях, которые стремились их найти, содержатся не только в устных преданиях и легендах. Их сохранили даже авторитетные исторические источники начиная с древнейших времен. В известном «Почучении» Владимира Мономаха, которое датируется приблизительно 1117 г., читаем: «И в земле [богатств] не прячьте, то нам большой грех». Итак, уже тогда закапывание кладов было довольно распространено, поскольку Мономах вынужден был сказать об этом, перечисляя наиболее типичные недостатки современного ему общества.

Трудно ответить на вопрос, почему общественная мысль древности, выразителем которой в данном случае был Мономах, осуждала закапывание кладов. Возможно, на этот вопрос в какой-то мере сможет ответить «Киево-Печерский патерик» (начало XIII в.), где сказано: «Не копите себе кладов на земле, где воры подкапывают и крадут». Но для нас интересно не церковное осуждение сребролюбия (по большей части неискреннее, для видимости), а это «подкапывают», которое свидетельствует о том, что на Руси ценности обычно закапывали в землю и что тогда были, так сказать, профессиональные искатели кладов. В том же «Киево-Печерском патерике» рассказана история монаха-кладоискателя, представляющая для нас интерес не только своею давностью, но и большим количеством конкретных подробностей.

Пещерник Федор пришел на указанное ему волшебным видением место, начал там копать и нашел клад, в котором было золото, серебро и ценная посуда. Однако оказалось, что клад послан чертом, решившим прельстить монаха богатством. Богобоязненный Федор выкопал глубокую яму и спрятал находку. Тем не менее о ней узнал киевский князь Мстислав Святополкович, схватил монаха

и начал требовать, чтобы тот показал тайник. Монах сказал: «Да, я нашел клад, и он спрятан мною в пещере». Тогда князь спросил у него: «Много ли, батюшка, там золота, серебра и посуды?» Федор ответил: «Эта пещера служила кладовой у варягов, и действительно, посуда там латинская. Поэтому пещера и ныне зовется варяжской. Золота и серебра там неисчислимое множество». Однако тайник Федор отказался показать, сказав, что забыл это место.

Такой ответ разгневал князя. Он приказал заковать монаху ноги и руки и три дня не давать ему хлеба и воды. Но Федор упрямо твердил: «Не знаю, куда закопал его». Мстислав Святополкович жестоко пытал монаха — красноречивое опровержение сказанной об искреннем уважении к церкви в раннем средневековье. Князь жег Федора на костре, а другого монаха — Василия, которому Федор открыл тайну клада, поразил стрелой из лука. Оба умерли в муках, но так и не выдали сокровищ.

Мы не случайно столь подробно изложили эту легенду. Ведь если отбросить ее мистическое оформление, ситуация выглядит вполне правдоподобно. Известно, что и в старину короли, князья и другие крупные феодалы охотно кичились своей набожностью, но пропусkali возможность публично демонстрировать ее, но при этом с завистью поглядывали на богатства церкви. При случае они запускали руку в церковную кошну. Поэтому высокие стены монастырей и похожие больше на крепости, чем на божьи храмы, церкви были убежищем не только от врага, но и от «собственных» феодалов. Возможно, в «Патерике» речь шла не о случайно найденном кладае, а о монастырской сокровищнице, которую безуспешно пытался прибрать к рукам Мстислав Святополкович. В этой древней истории (князь Мстислав погиб в междоусобной войне в 1099 г., а описанные события происходили незадолго до его смерти) отчетливо улавливаются фольклорные наслоения в виде «нечистой силы», черта, который искушает человека.

Однако в источниках раннего средневековья сохранились лишь единичные легенды о кладах и о кладоискателях. Письменные памятники XI—XV вв. вообще редки, их основную массу составляют летописи и жития святых — официальная литература, авторы которой интересовались только «высокими материями», описывая войны, княжеские деяния, подвиги святых и различные чудеса, которые преподносились как проявления божественного провидения. История с кладом Федора попала в «Киево-Печерский патерик», являющийся сборником рассказов о святых монахах, только как иллюстрация той мысли, что даже князю нельзя поднимать руку на слугу церкви. Как повествуется в «Патерике», Мстислав Святополкович был убит той самой стрелой, которой он поразил монаха Василия. Перед смертью князь будто бы понял, что его постигла кара божья.

Множество народных преданий древних времен бесследно погибло. Лишь в XIX в., когда начинают систематически записывать устное народное творчество, появляется письменная литература восточнославянского фольклора.

При чтении огромного количества легенд и преданий о кладах вырисовывается определенная система построения фольклорного повествования. Попробуем систематизировать эти предания, иллюстрируя рассказ примерами, взятыми из украинского народного творчества.

Кто укрывал клады. Народные предания чаще всего связывают сокрытие кладов с запорожцами и гайдамаками. Вот пример легенды, записанной на территории современной Запорожской области в конце прошлого столетия: «Когда-то в Сагайдачном был такой лес, что не видно было и скал... Еще деды нам рассказывали, что на скалах и возле них жили запорожцы... На Средней скале, говорят, есть клад Сагайдака (казак Сагайдак — один из самых любимых персонажей украинского фольклора. — *Н. К.*), он где-то под камнями, а на Дурной [скале] — там

жили побратимы, 12 казаков, и они заложили там 12 кладов... На тех скалах и всюду по балкам в Сагайдачном есть пропасть казацких денег, но не каждому они суждены». Еще один пример народного повествования на эту тему: «Клады больше всего прятали запорожцы... Чаще всего, говорят, казаки закапывали деньги на курганах, по балкам, под дубами и на островах».

Наряду с запорожцами среди тех, кто прятал клады, фольклорные произведения называют гайдамаков: «В Умани, где застали гайдамаков (речь идет о Колинщинине, народном восстании 1768 г., одним из центров которого была Умань. — *Н. К.*), на том месте, где они стояли в дубраве кошем, там, смотри, на одном корне три дуба; это [гайдамаки] подкопались под дуб, насколько можно было достать, и подсунули казаны с деньгами под корень прямо». Или: «За Белой Церковью в степи корчма, там в пристройке пять тысяч спрятали, и гайдамаки корчму сожгли, до Зализняка еще». Как и запорожцы, гайдамаки боролись за свободу и независимость своего народа и потому были излюбленными героями народных легенд, а особенно преданий о кладах.

Целый раздел народной литературы о кладах составляют рассказы о ценностях, спрятанных историческими личностями: гетманами, полковниками, предводителями восстаний, крупными вельможами. В конце прошлого столетия историку и этнографу Д. И. Яворницкому показывали вблизи городка Мишурина камень с выбитой на нем буквой «М», заверяя, что она означает инициал Мазепы и что именно в этом месте, спасаясь бегством после Полтавского поражения, изменник-гетман приказал бросить сундуки с деньгами и драгоценностями в Днепр. Не правда ли, эта легенда, как близнец, похожа на упомянутую выше легенду о «кладе Наполеона»?

Очень часто захоронение кладов приписывается народным героям — Палию, Гонте, Кармалюку. Записанная О. Федьковичем гуцульская легенда рассказывает, что

Олекса Довбуш закопал в горах огромный клад, в котором золота и серебра столько, сколько смогут увезти шестьдесят лошадей. Никто не знал, где спрятан тот клад. Бесчисленное множество людей искало клад Довбуша. И среди них бедный юноша Марко, которому деньги нужны были для того, чтобы иметь возможность жениться на любимой девушке — дочери богатых родителей. Целый год копал юноша в разных ущельях Карпат. И днем, и ночью видели его с лопатой. Прошел год, срок, данный ему отцом невесты, а Марко так и не нашел клада. Девушка с горя умерла, а сам Марко погиб.

Гораздо меньше преданий о кладах, спрятанных лихими людьми: разбойниками, злодеями и богачами. В народном представлении романтика кладоискательства обычно не связана с убийствами, обманом, кражами и неправомерно нажитыми деньгами, хотя сюжеты подобного рода все-таки встречаются.

Наконец, хотя и очень редко, в народных преданиях клады прячут люди ничем не примечательные. Но в этих случаях рассказ бывает обычно будничным, без фантастических аксессуаров, что-то наподобие такого варианта: «Вблизи ясенка тот дед так прятал с бабой деньги, а парень видел ночью, как они прятали, потому что приходил груши красть».

Вообще укрыватели кладов занимают в народных повествованиях сравнительно скромное место. Главное здесь — перипетии, связанные с процессами сокрытия и отыскания кладов.

Как прятали клад. Классическим образом народного предания о сокрытии клада может быть легенда, записанная этнографом Я. П. Новицким в 1875 г. вблизи города Мариуполя (ныне Жданов). «Утром, при восходе солнца, взбежал вожак на курган, стал, а тень так и протянулась на запад. Тогда он велел копать яму там, куда пришла тень головы. Выкопали яму, спустили на цепи казан и поклялись, чтобы никто не брал, пока вторично не

вернутся из разезда. Затем засыпали деньги землей, оседлали коней и подались. Через год стали съезжаться. Многие вернулись, а жоака нет, и клад не взят и до сих пор. В казане, говорят, лежат червонцы, сверху медные [деньги], а поверх медных — серебряный талер, чтобы не плесневели. Деньги, говорят, закопаны и затоптаны лошадьми, чтобы не осталось следа. Примета такая: как солнце восходит — стань на курган и смотри на свою тень; заметь место, где кончается голова, беги и копай. Сверху будет железное кольцо, тяни и вытянешь шкворень; копай глубже, затем — дужка и казан».

В легендах клад всегда прячут группой (как правило, состоящей из двенадцати человек), что отражает народное представление о коллективизме и боевом побратимстве воинов — запорожцев или гайдамаков. «В степи Неплюева, неподалеку от хутора, есть могила Долгая, а возле нее запорожцы спрятали клад в подземелье. Деньги серебряные и золотые, в бочонках, а серебряная посуда поставлена возле них. Клад спрятали двенадцать казаков и поклялись: «Кто будет один откапывать, того дождь зальет». Пробовали копать, так куда там: откуда только берется дождь, так и льет, так и льет!» Здесь содержится очень распространенный фольклорный мотив — заклятие клада, чтобы никто другой не откопал его.

Вот рассказ «очевидца» о том, что произошло с ним «лет восемьдесят тому назад». В степи к рассказчику на резовом коне подъехал старый дед, казак с виду, с двумя пистолетами за поясом. Маленький мальчик, каким был тогда рассказчик, почтительно отнесся к старику, и тот сказал: «Смотри на меня, мне сто четыре года, и, быть может, я уже последний». Затем показал камень вблизи кургана и добавил, что там он с запорожцами закопал клад: «Этот камень положили двенадцать человек, под ним яма, а в яме три бочонка: в одном медь, в другом серебро, в третьем золото. Они [деньги] закланы, их мне без товарищей брать нельзя, а тебе — другое дело, бери как свое». По

неизвестным причинам «очевидец» так и не извлек тот клад.

Заклятие — чрезвычайно интересная черта украинского фольклора. Это остатки дохристианских, языческих верований. Как свидетельствуют народные произведения о кладах, в абсолютном большинстве случаев их прятали с заклятиями. Какими именно были эти заклятия, говорится очень редко. Известно только, что одни клады заклинали на определенное время, другие — навечно. Укрыватели, особенно если то были недобрые люди, накликали болезнь или вообще несчастье на того, кто возьмет клад. Вот пример заклятия, записанного на Харьковщине в прошлом столетии: «Когда закапывают деньги или когда опускают их в воду, то заклинаят их: будьте вы трижды прокляты, прокляты, прокляты. Кто эти деньги возьмет, тот и сам проклят». По окончании срока заклятия клад сам «давался» искателю или даже выходил на поверхность. Из одного предания известно, что в древности люди закапывали клады при свидетелях и клали сверху в яму доску, на которой мелом было написано заклятие.

В случае нарушения заклятия на виновного обрушивались различные напасти. Характерна своей антифеодальной направленностью легенда, повествующая о том, как граф Потоцкий пытался извлечь заклятый клад.

Где-то вблизи поместья Потоцких в окрестностях Бердичева стояла высокая старая башня. Под ней подземелье, закрытое на двенадцать дверей, а в нем клад. Этот клад однажды «дался» бедному человеку, который таким образом избавился от нужды. Услышал об этом граф Потоцкий и начал разваливать стены башни, как вдруг «ему глаза на затылок вывернуло и шею скрутило». Никогда не мог граф вызволиться из беды. Лишь когда он приказал восстановить разрушенную стену, ему стало легче. С тех пор Потоцкий боялся даже близко подходить к старой башне.

Расскажем еще одну очень красивую легенду, бытующую

на Волыни. Однажды в городе Изяславе появился старец и предложил княгине добыть клад, спрятанный в руинах замка вблизи города. Старец предупредил, что как только землекопы достигнут драгоценностей, начнет гореть Изяслав, а когда извлекут весь клад, город сгорит дотла. Однако по стоимости клад втрое перекроет убытки, причиненные пожаром. Княгиня согласилась, ей не было дела до страданий подневольных, лишь бы ее собственный дворец остался целым и невредимым. Начали раскапывать руины замка. И каждый раз, как только начинали копать, в Изяславе вспыхивал пожар, но сразу же прекращался, едва работу приостанавливали. Между тем старец торопил землекопов. Наконец достигли железных дверей сокровищницы. Тогда запылал весь город. Жители Изяслава едва уговорили княгиню прекратить раскопки. Да она и сама поняла, что имеет дело с заклятым кладом. Она отозвала землекопов, после чего пожар начал ослабевать. Общими усилиями город спасли. Старец исчез без следа, это был злой колдун. Старые развалины по приказу княгини были засыпаны землей.

Особенно суровое наказание ожидало человека, предавшего товарищей, вместе с которыми он прятал клад. Вблизи г. Александровска (ныне Запорожье) Я. П. Новицкий услышал историю об окаменевшем человеке, стоящем на одном из курганов. Тот гайдамак не сдержал обещания охранять вместе с товарищами спрятанный клад: «Пошел он на курган — и где стал, там и окаменел. Будет он стоять, пока светит солнце... Возле кургана, гсворят, на восток, сбоку, спрятаны деньги, и никто их не возьмет, потому что сразу окаменеет, как и этот казак». Читатель, конечно, понял, что в действительности на кургане стояла половецкая каменная скульптура, каких было много в степях Украины.

Сквозь фантастическую оболочку легенд о заклятых кладах просвечивают не только древние праславянские верования. В них отразились народные наблюдения над

обстоятельствами случайного обнаружения кладов, в чем усматривали проявление каких-то магических сил.

Места сокрытия кладов. В народных легендах и поверьях излюбленным местом сокрытия клада является курган. «Таких высоких курганов, как Караватка (вблизи Запорожья.— *Н. К.*), мало и есть... Когда-то, говорят, мимо кургана проходила Большая дорога, а на кургане стояла каменная баба, лицом на восток. На этом же кургане жил и запорожский вожак... На кургане и возле кургана есть, говорят, и клады, только одни заклеты на двести лет, а другим срок вышел, можно бы и взять, да не наметили места». Или легенда про «Медведь-курган», который потому так и зовется, «что закопан медведь, говорят, отлит из меди и набит червонцами. Кое-кто из людей пробовал копать, так не дает: станет медведице на дыбы да и ревет. Люди, известно, разбегаются».

По преданиям клады прятали также в реках, озерах, прудах, то есть «опускали в воду» («Заиллил на дне Волчьей червонцы в воловьей шкуре. Ружья люди находили, а червонцы глубоко вошли в землю»), закладывали в руины старых замков и крепостей, в пещеры («В пещере стоят три бочонка вместе, с золотом, а четвертый, сам по себе, — с серебряными талерами. Клад спрятали запорожцы и заклины на двенадцать человеческих голов, а кто отважился бы взять — двери закроются и пропал»), бросали в колодцы («На том острове, ниже Черной скалы, есть Музыкина балка, а в балке колодец; в том колодце запорожцы спрятали медный чугунок с червонцами. Там те деньги и до сих пор, потому что страшно брать — заклеты»), наконец, просто закапывали в землю, не забывая при этом о приметах, которые указывали на место сокрытия.

В чем только не укрывала клады буйная фантазия народных рассказчиков! Бочонки и макитры, медные горшки и чугунные казаны, сундуки, кувшины, переметные сумки, кошельки, мешки, бутылки и т. д. обычно служили обо-

лочкой для кладов в фольклорных повествованиях. Ею могли быть такие на первый взгляд непригодные для этой цели предметы, как ульи («спрятан улей серебра, вглубь выше колена»), даже возы («напротив окна церкви спрятана добыча, повозка денег»). Иногда клад просто заворачивали в бурку или шкуру.

Приметы кладов. Народные повествования о найденных и ненайденных кладах содержат немало примет, руководствуясь которыми будто бы можно отыскать клад. Эти приметы бывают довольно романтическими. Невольно вспоминается рассказ Эдгара По «Золотой жук», в котором есть такие жутковатые детали, как естественное кресло в скале, откуда видно одинокое дерево с человеческим черепом на нем. Но разве устухит вымыслу писателя такое, скажем, народное предание: «Стоит дуб, в корень низко забит шкворень возовой; от дуба на восход солнца три шага отмерь и копай вглубь, в колено; там добыча спрятана и стоймя пистолет сверху».

О некоторых приметах мы уже говорили. Это одинокое дерево, чаще всего дуб или груша, большой камень, три дерева, растущие в стороне от остальных, воткнутый в землю обломок сабли, просто возвышение грунта, которое обязательно толкуется как казацкая или гайдамацкая могила. Но главной приметой является огонь. Тут отразились старинные языческие верования наших предков, которые считали огонь самым могущественным божеством, дарующим человеку жизнь и все связанные с ней блага.

Еще в древнерусском сказании о Борисе и Глебе читаем: «Аще бо или серебро или злато сокровенно будет под землею, то мнози видят огонь горящ на том месте, то диаволу показующему сребролюбивых ради». Но в большинстве случаев народные сказители не считали дурной приметой появление огня на месте зарытия клада.

Поэтический образ огненного всадника сохранила следующая легенда: «В голове острова Хортицы есть немалая могила, вся обложенная камнем. Лет тридцать тому

назад там темной ночью, бывало, часто показывался клад: выскочит на могилу казак с саблей, да так огнем и засияет! Казак золотой, а под ним конь серебряный. То, говорят, золотые и серебряные деньги. Те деньги или взяты, или показываются не каждому».

На Черниговщине записано предание, в котором говорится, что молния бьет в землю именно там, где спрятан клад.

Клад показывается и в виде свечки: «В той могиле, говорят, еще есть деньги, потому что раз в год там сверкает свечка». Все же в большинстве случаев ориентиром для отыскания клада служит просто огонь: «Около груши кругом ищи — видели, что горит» или: «Где огонь сверкает — то деньги перечищаются. Они перечищаются трижды в год: под Новый год, на Пасху и под Ивана Купала».

В актовых книгах Полтавской городской управы за 1671 г. даже запротоколировано свидетельство о находке клада, на который указал огонь: «Вызнал Васко, скотар Гринцов, о найденю скарбу... Вигналом рано пасти товар по Святой неділі с понеділка на ввторок, и так обачилем — огонь горит розними материями, и домислилемся, же то скарб міет быти, и сталем копати... и докопалемся казан, прикритий глиною... Теди Гринец, господар мой, дождав... вечера, открыл той казан, гроше и злитое серебро міхом носил в ліс». Затем хозяин забрал все ценности себе, а батрака оставил ни с чем. В данном отрывке действительность (находка клада) причудливо переплелась с вымыслом.

Народные предания часто содержат подробные указания, руководствуясь которыми можно будто бы разбогатеть: «Как деньги показываются, иди на огонь. Если погаснет — не тебе суждены, если нет — твой клад. Как найдешь деньги, не бери все, так не годится, оставь сколько-нибудь заплатить за место и не бойся ничего; а если заберешь все, не обойдется без напасти». Или: «Всякий клад нужно брать на сверху, а сбоку, потому что не каждому

известно, заклыйтый он или нет. Если брать сбоку, то деньги рассыпятся, а с ними рассыплется и заклыйтие».

При извлечении клада из тайника строго запрещалось браниться, поминать нечистую силу и т. п. Очаровательная в своей непосредственности, исполненная мягкого юмора легенда рассказывает о каком-то деде, который увидел свечу под грушей, сообразил, что это знак клада, и начал копать яму. «Смотрит затем — казан с червонцами. Давай он его поднимать за дужку. Силился, силился — глаза на лоб лезут, ничего не сдelaет. У него с языка и сорвалось: «Ну и тяжелый же, черт его батьке!» Только это проговорил, а деньги в землю так и зашумели... Начал он тогда и молиться, и креститься — ничего не помогло».

Предания утверждают, что чаще всего удача приходит в ночь на Ивана Купала. Тогда, только раз в году, цветет папоротник, и тот, кому повезет сорвать его цвет, найдет клад. Кто не знает грустной истории, описанной прекрасным знатоком украинского фольклора Н. В. Гоголем в повести «Вечер накануне Ивана Купала». Бедный юноша Петро в отчаянии: его невесту отдадут за другого, богатого. Он спознается со злым колдуном Басаврюком. В ночь на Ивана Купала Петро идет в глубокий, густо поросший лесом овраг и срывает там, несмотря на различные фантастические препятствия, цветок папоротника. Однако, чтобы найти клад, юноше приходится совершить убийство. Деньги не приносят ему счастья.

Во многих легендах речь идет о «предназначенном» кладе, то есть о таком, который доступен только определенному человеку. Вот пример: «Горит свечка синим огнем, этот свет видит только тот, кому деньги суждены». Чаще всего клад «давался» детям. По народным поверьям, судьба наиболее ласкова к малолетним, которые еще не успели провиниться перед нею. Вот одна из характерных историй такого типа. «В прежние временаклады сами ходили. У одного человека дитя было, так — лет двух. Как-то сидит оно и кашу ест, а петух выскочил из-под

пола да и клюет себе, а оно его ложкой — так кучка денег и насыпалась».

Можно было бы без конца пересказывать старинные и более поздние легенды о кладях и кладоискателях, однако наша задача иная. Пусть фольклористы исследуют происхождение и структуру этих легенд, а нашему читателю, вероятно, интересно знать, есть ли истина во всех этих преданиях, какова их реальная основа?

Стоит ли искать клады? Этот вопрос издавна интересовал не только кладоискателей, но и серьезных ученых. Некоторые из них даже пытались использовать народные легенды о кладях при археологическом изучении определенной территории, при составлении археологических карт и т. п. В солидном издании «Труды III Археологического съезда» (т. 2, К., 1878) помещена статья П. С. Иващенко «Предания и суеверные повествования о кладях как данные к вопросу об археологической топографии Гадяцкого уезда». Приведя десятка полтора легенд о кладях, автор утверждает, что «такими и подобными им данными можно было бы пользоваться при археологических исследованиях и описаниях местностей». Таким образом, в народных преданиях о закопанных ценностях Иващенко усматривает авторитетный исторический источник.

Издатель «Запорожской рукописи, указывающей, в каких именно местах и какие сокрыты клады гайдамаками и местными жителями» Н. Сементовский писал во вступлении, что эта книга «может принести по крайней мере небольшую пользу этнографам и историкам, а может быть и археологам, если последние приложат усилия старательными исследованиями отыскать некоторые клады из указанных в рукописи». Как видим, Н. Сементовский пошел еще дальше П. Иващенко, прямо настаивая на реальности легенд о кладях.

Свой рассказ мы начали с газетного сообщения о поисках «клада Наполеона», осуществляемых не только энтузиастами, но и научными экспедициями. Это не един-

ственный случай наивности, трудно понимаемой в наше время. В архиве Государственного Эрмитажа в Ленинграде хранятся материалы археологической экспедиции, которая накануне первой мировой войны по указаниям какого-то казака с Кубани искала клад, а нашла... черепки и уголь. Оказывается, клад принадлежал казаку во сне! В 1926 г. Всеукраинский археологический комитет принял решение послать экспедицию в местечко Жорнице на Киевщине, потому что, как записано в постановлении комитета, молва о спрятанных в подземельях кладях «может иметь какие-то реальные основания». К постановлению присовокуплена даже смета экспедиции, где определены суточные археологам и землекопам, расходы на снаряжение и т. п. К сожалению, не известно, состоялась ли эта удивительная экспедиция.

Часто предания и легенды о кладях содержат такие подробности и «точные» указания на место сокрытия, что нетрудно поверить в них. Особенное впечатление на легковерных людей производят рассказы «очевидцев». О встрече с таким «очевидцем» поведал в конце прошлого столетия дед из села Вознесенки в окрестностях Запорожья. Когда в молодости, чумакуя, он возвращался из Крыма, подошел к чумакам старый, белый, как лунь, но краснощекий дед и сказал: «Охота же вам чумаковать. Таким молодым и здоровым можно бы и без того богатеть... Ведь вы живете возле урочища Сагайдачного... Там столько денег, что не только для вас — хватило бы на две губернии... Никто не знает так Сагайдака, как я, не один год жил я с ним в том урочище, которое по его имени названо Сагайдачным». Затем старик рассказал, что Сагайдак со своим кошем жил неподалеку от Хортицы. В минуту опасности «Сагайдак вскочил в землянку, выгреб из сундука серебряные и золотые талеры (заметим, что золотых талеров никогда не было, только серебряные. — Н. К.), высыпал на два шкуры и понес на Среднюю скалу. Встряхнул шкуры — и пошли деньги между камнями... Он тогда

вынес еще бочонок и ведро с деньгами неподалеку от скалы». Сагайдак, сказал в заключение старик, погиб в тот же день, а клад остался нетронутым.

Ну как, услышав подобный рассказ, не покинуть семью, хозяйство, родной дом и не отправиться на поиски кладов? И таких было немало. Литература доносит сведения о многих фанатиках. Один из разделов подлинно научной книги В. И. Гошкевича «Клады и древности Херсонской губернии», изданной в Херсоне в 1903 г., не без основания назван автором «Кладоискательство как душевная болезнь».

Бывало, что «кладовая» лихорадка охватывала целые села и города. Иностраный путешественник, посетивший в конце XVIII в. польский городок Волин в Западном Поморье, с ужасом писал, что все здесь перекопано ямами и рвами. Некоторые дома разрушаются, многие вот-вот рухнут. Часть жителей, истратив на поиски все свои деньги, пошла с сумой. Что же искали жители Волина? Оказывается, золотую цепь, которая приснилась одному из мещан и по его заверениям была спрятана непременно в Волине. Удивительная и к тому же массовая легковерность, — скажет читатель. А «клад Наполеона»? — ответим мы ему. Не забудем, что предания о кладах относятся к таким, которым всегда охотно верили. И даже теперь, когда люди не верят сказкам о ведьмах и нечистой силе, они иногда склонны считать легенду о спрятанном кладе достоверной.

Для того чтобы ответить на вопрос, есть ли хоть крупица истины в легендах о кладах, необходимо проанализировать их с точки зрения построения, развития действия аксессуаров и т. п.

Уже отмечалось, что предания о кладах есть у разных народов, что появились они в различное время, но сохранились в подобных версиях. Даже при поверхностном ознакомлении с ними бросается в глаза однородность их композиции. Клад обычно сам дает о себе знать, его вестни-

ками бывают старый, но еще крепкий дед, реже баба. В роли вестников выступают и звери: петух, лошадь, теленок, медведь. Чаще всего указывает на клад огонь — от феерического сверкающего всадника на казацкой могиле до скромной свечечки на бугорке. Клады закапывают в местах, окутанных таинственностью: в запорожских курганах, на кладбищах, в развалинах крепостей и замков, возле заброшенных степных колодцев, в глубоких оврагах, в непролазных чащах, опускают в воду вблизи порогов и т. д. «Даются» клады не всем, лишь тем, кому предназначены, чаще всего маленьким детям. Правда, если срок, на который заклят клад, закончился, его может найти любой, но при соблюдении определенных правил. Лучше всего искать клад под Новый год, на Пасху и накануне Ивана Купала.

Наибольшие сомнения в достоверности легенд о кладах вызывает наличие традиционных чисел. Излюбленные числа — двенадцать и три, которые столь же часто фигурируют в сказках и преданиях иной тематики. Клад прячут 12 казаков; в башне, где спрятаны деньги, 12 дверей; ценности уложены в 12 бочонков; от ориентира до клада следует отмерить 12 шагов и т. д. Клад спрятан между 3 могилами; под 3 дубами; он находится в 3 сумках и т. д. Специалист-фольклорист мог бы более подробно проанализировать предания о кладах, но и из изложенного видно, что такие предания — фольклорное творчество с почти стопроцентной легендарной основой.

Мы сказали «почти»... Из анализа народных произведений кладоискательской тематики можно было бы сделать вывод, что они не имеют реальной основы. Однако это не совсем так. Время от времени люди все-таки находят клады!

Клады, каковы они в действительности. И в наше время находят клады: их выпаживают плугами, выгребают бульдозерами на стройках, обнаруживают в дуплах старых деревьев, вода в реках вымывает старинные монеты.

Однако — и это самое главное! — обычный, типичный клад состоит из нескольких десятков некрупных, позеленевших и потемневших от времени и грязи полусеребряных или медных монет, которые уложены в небольшой горшочек либо просто завернуты в обрывок ткани. Материальная ценность такого клада мизерная: в пересчете на современные деньги она едва достигает рубля. Встречаются смешанные, монетно-вещевые находки, однако и в них преобладают монеты.

Подлинные материальные ценности в кладах встречаются крайне редко. Каждая такая находка едва ли не уникальна. А неприглядные кучки старых монет в житейском понимании никак не могут считаться кладами. Ведь для искателя, так же как и для слушателя легенд, слово «клад» сияет золотом, мерцает самоцветами, звенит пудовыми мешками монет. И все-таки эти находки скромных кладов послужили канвой, по которой народная фантазия вышила яркие цветы легенд и преданий об огромных ценностях, которые ждут своего находчика. Все или почти все такие легенды навеяны смутными сведениями о реальных, не представляющих существенной материальной ценности кладах, а буйная фантазия безымянных авторов и традиция охотно заменяли серебро — золотом, медь — серебром, дешевые стеклышки копеечных перстней и сережек — самоцветами. Ведь абсолютное большинство монетных кладов вообще не содержит золотых монет, даже единичных. Во все времена золото, за некоторыми исключениями, не употреблялось в повседневном денежном обращении, и золотых монет выпускали очень мало.

Все сказанное нами, как правило, не известно человеку, не знакомому с нумизматикой. Вот он нашел клад и дрожащими руками разворачивает ткань или кожу, в которую завернуты предполагаемые ценности. Представьте его разочарование! Вместо золота и драгоценных камней — какие-то кружочки из темного металла и такие же дешевые погремушки. В прошлые времена, когда люди

жили в плену суеверий, в таких случаях невольно рождалась мысль: здесь что-то неладно. Вероятно, не обошлось без нечистой силы: черт подменил драгоценности никому не нужным хламом.

Мы уже упоминали рассказ Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала». Теперь обратим внимание на финальную часть рассказа. Петро, вспомнив, что клад достался ему ценой страшного преступления, бросается к деньгам. И внезапно червонцы в мешках превращаются в черепки. Черепки вместо золота... Быть может, подобное встречается только в жутких историях о том, как за деньги человек отдает душу дьяволу (ведь таков один из аспектов легенды, которую рассказал нам великий писатель)? Нет, и в веселом, юмористическом рассказе Гоголя «Зачарованное место» выкопанный дедом казан оказался вместо золота заполнен каким-то мусором, опять-таки в результате вмешательства нечистой силы. Тонкий и чуткий художник, прекрасный знаток украинского народного творчества, Гоголь умело раскрыл психологию кладонискателя, подметил главное в легендах и преданиях о кладах.

Вернемся, однако, к человеку, который, найдя клад, испытал большое разочарование, а потому пришел к выводу, что в дело вмешалась нечистая сила (речь идет о фольклорных историях, записанных в далекие времена). Мы убеждаемся, что мотив превращения золота и других ценностей в мусор базируется на реальном содержании абсолютного большинства монетных кладов. Мотив черепков также легко понять, если принять во внимание, что монетные клады обычно закапывали в глиняных горшочках, которые легко разлетались на куски при первом прикосновении лопаты (не говоря уже об ударе плуга или бульдозера). Эти черепки и видел разочарованный искатель, осматривая место клада.

Взволнованный и часто возмущенный, убедившись в непригодности находки для личных надобностей, он может просто выбросить ее или, в лучшем случае, отдать кружоч-

ки неизвестного металла детям. Вот здесь и случается беда. Гибнет для науки, уничтожается уникальный, неповторимый памятник прошлого, живой свидетель денежного хозяйства своей эпохи.

Остается ответить на вопрос: можно ли отыскать клад, руководствуясь указаниями преданий или даже самостоятельно изучая определенную местность?

Мы уже говорили о том, что произведения о кладах создавались по общим законам устного народного творчества. Их реальная основа не дает надежд на отыскание материальных ценностей. Но если даже предположить, что существуют заслуживающие доверия сообщения о таких кладах, то и в этом оптимальном случае шансы искателя ничтожны, если их вообще можно принимать во внимание. Ведь время неумолимо стирает прежние приметы, по которым можно отыскать заветное место: высыхают колодцы, гибнут деревья, вода размывает кручи и острова, реки меняют течение, распахиваются курганы, исчезают руины старых замков и крепостей.

Не приведет к успеху и обследование местности по приметам из народных легенд. Дело в том, что укрыватели кладов меньше всего были заинтересованы в выборе заметных ориентиров — казацких могил да одиноких дубов. Для них указанием на тайник служили обычные, неприглядные для постороннего глаза детали: дерево в саду, изгиб тропинки, небольшое возвышение грунта и т. п. Именно потому немало кладов осталось в земле, что человек не находил потом места, где спрятал собственные деньги. Укрыватели, вероятно, довольно часто забывали свои ориентиры из-за того, что местность ночью (а большинство кладов припрятывалось, естественно, именно в такую пору) выглядит иначе, чем днем. Были, очевидно, и другие причины — внезапная смерть укрывателя, бегство от врага, плен и т. п. Перечисленным несчастным случаям обязаны мы сохранением до нашего времени драгоценных памятников прошлого — монетных кладов.

Кажется, не стоит добавлять, что экспедиция на Стоячем озере потратила немалое время, но так и не нашла «клада Наполеона».

КЛАД НАЙДЕН

Весной 1963 г. в с. Матюши Белоцерковского района Киевской области был найден клад римских монет — так называемых денариев I—II вв. н. э. Его обнаружил местный механизатор в полусгнившем пне на берегу реки Растваицы. Открыватель взял только часть («горсть») денариев, но и те со временем раздарил. Немалое количество неизвестных им блестящих кружочков дети побросали в реку просто так, для «забавы», а остаток разошелся между местными жителями. Еще около месяца туристы, проходившие берегом реки, находили здесь римские денарии. Сотрудникам Белоцерковского краеведческого музея удалось собрать только 16 монет. Эти остатки когда-то, вероятно, большого клада были описаны как находка значительной научной ценности в сборнике Института археологии АН УССР «Нумизматика и сфрагистика» (т. 2, 1965), откуда каждый может узнать о печальной судьбе клада из Матюшей.

Для науки пропал клад, который мог быть использован для изучения древней истории и экономики края. Механизатор, обнаруживший клад, конечно, не понимал, какую ценность представляет его находка. То, что случилось с кладом, было следствием не злого намерения, а неосведомленности, но от этого, как говорится, не легче. К сожалению, случай в Матюшах довольно типичен. Абсолютное большинство найденных кладов из-за недостатка нумизматических знаний и неосторожности открывателей либо полностью гибнет, либо доходит до ученых частично. Для науки же чрезвычайно важно, чтобы все монеты (и вещи, конечно, если клад монетно-вещевой) сохранились. Ведь потеря даже одной монеты может в значительной

мере повлиять на датирование всего клада и, следовательно, на определение его роли в историческом процессе. Например, клад из Матюшей, точнее, то, что от него осталось, содержал римские денарии лишь I—II вв. н. э. Поэтому этот клад ученые датируют концом II в. по наиболее «молодой» из сохранившихся монет — денарии императора Коммода (176—192 гг. н. э.). Но такое датирование клада не может быть достоверным, поскольку он сохранился не полностью. Ведь среди утерянных могла быть монета более позднего времени — III и даже IV в. н. э., что коренным образом изменило бы не только датирование, но и историко-экономическую характеристику клада.

Этот пример показывает, как важно каждому человеку знать хотя бы основные правила обращения с находками памятников материальной культуры, в данном случае монетного или вещевого клада. Прежде всего никогда не следует трогать находку. Клад должен быть изучен и сфотографирован на месте, «in situ», как говорят специалисты. Поэтому сразу же по выявлении старинных монет необходимо обратиться в ближайший музей. Всю первичную обработку клада должны осуществлять специалисты-нумизматы либо, по крайней мере, опытные музейные работники. В исключительных случаях, когда нет возможности связаться с музеем или другим научным учреждением, открыватель клада может самостоятельно, с исключительной осторожностью извлечь его из земли, остатков стены, дупла дерева. При этом особое внимание следует обратить на оболочку клада: горшок, ларец или даже обычный кусок кожи. Дело в том, что монеты дают возможность точно (особенно по сравнению с другими методами установления хронологии материальных находок) датировать «немые» предметы материальной культуры, а это чрезвычайно важно для археологов, этнографов и т. д. Ведь датирование, скажем, керамики (глиняной посуды) — дело довольно сложное. В подобном случае или принимают во внимание глубину залегания керамического изделия в датированном

культурном слое грунта, что дает возможность приблизительно установить его хронологию, или применяют метод аналогий — сравнивают такую находку с керамическими изделиями, время изготовления которых уже известно. В первом варианте в дневнике археолога появляется запись: горшок найден в слое III в. н. э., во втором — по всем признакам его следует отнести ко второй половине III — началу IV в. Понятно теперь, какую большую ценность для науки представляет находка керамического изделия, наполненного монетами, которые датируют его. Такой горшок, время изготовления которого установлено при помощи монет, сам превращается в эталон. По нему можно теперь датировать другие керамические изделия.

После извлечения клада необходимо внимательно изучить место, где вы его нашли. Не осталось ли там еще какого-то количества монет, которые выпали из оболочки? Необходимо собрать остатки посуды (если она разбита), кусочки ткани, в которую часто заворачивали монеты, — все, что привлекло ваше внимание и может быть использовано исследователями.

Благодаря вашей старательности клад полностью, включая и его оболочку, попадает на стол нумизмата-исследователя. Прежде чем заглянуть в его лабораторию, напомним, что даже из чисто меркантильных, ненаучных соображений все монеты, в том числе и золотые, выгоднее сдавать в музей, а не стремиться сбить их с рук как слитки металла. Обычно вес золотой монеты из клада не превышает 3—4 г, и стоимость этого количества металла сравнительно невелика. А от государства находчик получает сумму, которая превышает номинальную стоимость находки, ибо дополнительно оплачивается ее научная ценность как исторического памятника. Сказанное особенно касается монет из серебра, стоимость которого совсем незначительна.

Итак, горшок с монетами стоит на рабочем столе нумизмата (табл. I, 1). Исследователю повезло, ведь обо-

лочка клада очень редко остается неповрежденной — вспомним о черепках в легендах! Очень осторожно, чтобы не повредить горшок, извлекаем его содержимое. Но что это? На стол выпадает тяжелый сверток материи какого-то невыразительного серого цвета, густо покрытый зелеными пятнами. Рядом лежат несколько темных плоских предметов — при ближайшем рассмотрении они оказываются кусочками березовой коры. Развернув ткань, видим зеленый ком, в котором различаем плотно слипшиеся монеты. Это и есть клад, который так много может рассказать нумизмату.

Сосуд отставляется в сторону, им займется археолог. Требуется пояснить ткань, в которую были завернуты монеты, и, особенно, кусочки коры. Приходим к выводу, что укрыватель денег стремился как можно лучше защитить их от влаги, поэтому не только завернул монеты в плотную ткань, но и проложил между стенками сосуда и свертком кусочки березовой коры. Не уберет, скажете? Но ведь владелец клада рассчитывал, что его деньги полежат в земле несколько лет, и лишь какой-то случай продолжил этот срок на многие столетия. Значит, монеты были упакованы тщательно, хозяин клада не спешил. Запомним это обстоятельство, нумизмат должен учитывать даже самые незначительные на первый взгляд детали.

Зеленые пятна на ткани являются следствием окисления металла; это оно соединило монеты в плотный ком, который нелегко разломить. Но делать последнее никак нельзя. Выламывая монеты из общей массы, легко уничтожить их. Отделить монеты одну от другой можно только в процессе реставрации. Однако исследователь не спешит передать клад реставратору. Вначале он взвешивает его. Взвешивание будет повторяться несколько раз, ибо вес является одним из основных показателей монеты и может рассказать о многом. Первичное взвешивание необходимо для определения веса монет перед реставрацией, ведь в ходе последней они неминуемо потеряют в весе вследствие

отделения окиси. Взвесив монеты после реставрации, мы узнаем, насколько они стали легче. Это поможет нам потом, при установлении веса отдельных монет, пробы их металла и т. д. Кроме того, сам по себе вес всего клада также важен, поскольку он позволяет установить именной уровень укрывателя. Например, неочищенный клад весил 327 г. Это много или мало? — спросит читатель. Не будем спешить с ответом. Мы еще не знаем, из каких именно монет состоит клад, какую страну и эпоху он представляет. Лишь определив качественный состав клада, можно установить его «покупательную способность», конечно, при условии, что известны цены соответствующего исторического периода.

После взвешивания монеты отдают на реставрацию. Не будем останавливаться на узкопрофессиональных тайнах реставраторов. Скажем только, что они пользуются слабыми растворами нескольких кислот, обычной теплой водой с мылом и пр. При необходимости монеты закрепляют с помощью специальных химикатов, чтобы предотвратить коррозию и разрушение.

Наконец кучка блестящего металла лежит на рабочем столе нумизмата. Он начинает определение монет — устанавливает места и даты их чеканки. Даже если клад монетно-вещевой, определение его начинается с монет. Ведь вещи «немые» и установить их дату и происхождение можно обычно благодаря монетам, вместе с которыми эти вещи были найдены.

Существует специальная литература, с помощью которой можно определять монеты, устанавливая их «национальность» и «год рождения»: справочники, обзорные курсы нумизматики, каталоги монет отдельных стран и т. п. Однако нумизмату нужны соответствующие подготовка, знания и опыт, чтобы иметь возможность по внешнему виду (детали изображений, шрифты надписей, форма монетного кружка, фактура и т. д.) даже незнакомых монет установить по крайней мере век и район земного

шара, где они были отчеканены. Проиллюстрируем сказанное на примере большого клада, найденного в августе 1964 г. в с. Глиняном Золочевского района Львовской области¹.

Глинянский клад, к сожалению, сохранился не полностью, однако известно, что утеряна его небольшая часть. В нем около 1500 монет и различные вещи из серебра: обломки женских украшений, поясная пряжка, девять массивных серебряных пуговиц (табл. I, 2), несколько перстней (табл. I, 3), среди которых один мужской с печаткой

Предварительное знакомство с кладом в неочищенном состоянии позволило приблизительно датировать его второй половиной XVI — первой половиной XVII в. Знание особенностей денежного хозяйства Западной Украины того времени дает основание утверждать, что в кладах должны преобладать польские и литовские монеты².

В кладах прежде всего бросаются в глаза массивные серебряные монеты диаметром в среднем немногим больше 4 см, а весом около 30 г. Нет сомнения, что перед нами талеры — международная монета высокой пробы, чеканившаяся во многих странах Западной Европы в XVI—XVIII вв. В кладах насчитывается около десятка талеров, столько же полуталеров и похожая на талер, но несколько меньшая монета. Это нидерландский серебряный флорин 1618 г., удивительно красиво вычерненный столетиями (табл. II, 2). Талеры представляют Германию (архиепископство Зальцбург) и Нидерланды — как свободную республику, так и подвластные Испании провинции. Можно часами любоваться прекрасно выполненным зальцбургским

¹ Автор благодарит заведующего археологическим музеем Львовского университета В. В. Зварича за предоставленную возможность ознакомиться с тогда еще не опубликованным Глинянским кладом.

² В средние века на украинских землях редко употреблялись монеты местной чеканки, денежное обращение обслуживали иноземные, главным образом, польские и литовские, монеты. Так продолжалось вплоть до XVIII в.

талером 1624 г., который сохранился настолько хорошо, словно вчера вышел из монетного двора (табл. II, 3). В Глинянском кладае есть также несколько меньших, чем талеры, монет, в них специалист без труда узнает гданьские орты. Это довольно большие (средний вес на уровне 6,5 г, диаметр около 3 см) монеты, отчеканенные в польском городе Гданьске с именем короля Сигизмунда III (1587—1632 гг.). Они сделаны весьма искусно (табл. II, 4).

В массе серебра сверкает и золото — единственная сохранившаяся в кладае монета из этого металла. Это хорошо известный в Европе голландский дукат. В России он официально назывался голландским червонцем, а на Украине — червонным золотым. Высокопробные, 986 пробы, дукаты весили в среднем 3,5 г при среднем диаметре 2,5 см (табл. III, 1).

Однако основную массу Глинянского клада составляют небольшие низкопробные монеты с содержанием чистого серебра не более чем на одну треть — польские и литовские полуторагрошевики, гроши и полугроши. Самая «старая» монета клада датируется 1558 г., самая «молодая» — 1647 г. Поскольку в нумизматике принято датировать клад по самой «молодой» монете, будем считать, что он спрятан после 1647 г., скорее всего в конце 40-х — начале 50-х годов XVII в.

Уже несколько раз мы употребили термин «проба», а также производные от него — «низкопробный», «высокопробный». Проба указывает на содержание благородного металла — золота или серебра — в монете. Дело в том, что даже в позднем средневековье получение чистого металла из руды было технически невозможно. В тех монетах, которые официально объявлялись полностью серебряными или золотыми, содержались примеси других, неблагородных металлов. Уже в раннем средневековье к серебру¹

¹ Во все времена золотые монеты были редкостью на рынке. Они обычно имели высокую пробу, что объяснялось их особыми

начали добавлять сравнительно большое количество примесей — лигатуры, как принято их называть. Наличие лигатуры в серебре или золоте делало монету прочнее, ведь известно, что при высокой пробе эти металлы довольно мягкие. Однако примеси добавляли не только для упрочения монет. Короли, князья и другие крупные феодалы, имевшие право монетной чеканки, сознательно ухудшали монету, превращая ее из серебряной в медно-серебряную (обычно лигатурой служила медь) и кладя «экономленное» серебро в собственный карман. При этом больше всего страдали бедняки, так как примеси добавляли преимущественно в мелкие монеты.

Автору посчастливилось познакомиться с Глинянским кладом еще до его очистки, и монеты этого клада оказались прекрасной иллюстрацией подобной финансовой политики феодалов. Большие монеты — талеры, флорин, полуталеры и орты — были совсем не испорчены временем, лишь немного потемнели. Но мелкие монеты — полторагрошевики, гроши и полугроши — настолько густо покрывал зеленый налет, что невозможно было рассмотреть изображения на них. Более того, они буквально горюли в зеленой пыли, которая с них осыпалась. Это давало о себе знать лигатура — медь, ведь такие официальные «серебряные» монеты в действительности были на 60–80% медными. Большие серебряные монеты (так же, как и золотые) участвовали главным образом в крупных и нежных операциях. Их брали взаймы, ими выплачивали долги, побежденные платили контрибуцию в талерах. Десятками и даже сотнями лет они лежали недвижимо в государственных и частных сокровищницах. Понятно, что господствующие классы всех стран были заинтересованы в том, чтобы золотые и большие серебряные монеты — деньги богатых — сохраняли высокое качество.

функциями: храниться в сокровищницах феодалов и участвовать в крупных финансовых операциях, а не окушаться в водоворот повседневного обращения.

Иное дело — мелкие, разменные монеты, деньги бедняков. Часто властелины, от имени которых выпускались монеты (в нумизматике их называют монетными сеньорами), доходили до того, что их «серебряные» монеты в действительности едва содержали одну десятую часть серебра. Такими, например, были денарии упомянутого уже Сигизмунда III, которые при общем весе около 0,36 г содержали лишь 0,03 г серебра. Очень быстро по выходе из монетного двора такие монеты окислялись, зеленели или чернели. Неспироста в народе их метко прозвали «черными» монетами.

Проба металла измерялась в так называемых лотах, по шестнадцатилотовой шкале. Каждый лот равнялся 62,5 в современных нормах пробирования. Серебро шестнадцатой пробы считалось совершенно чистым, пятнадцатой — содержало 15 частей чистого серебра и одну часть лигатуры, четырнадцатой — 14 частей серебра и 2 части лигатуры и т. д. В тысячных долях пробирования серебро, например, четырнадцати лотов имеет пробу 875. Для пробирования пользовались серебряными стержнями разных проб. На пробирном камне (черном сланце, аспидном камне) проводили одну линию куском серебра или серебряной монетой, а другую линию — стержнем-пробой и сравнивали оттенки обеих линий. Так делали до тех пор, пока обе линии не казались испытателю совершенно похожими. В таком случае серебро или монета имели примерно ту же пробу, что и стержень.

Даже при большом опыте этот способ дает довольно приблизительные результаты — с точностью до ста единиц в современных нормах пробирования, или до одного-двух лотов. Поэтому и проба средневековых монет одного и того же типа нередко довольно сильно колеблется. В наше время применяют совершенно иные методы пробирования монетного металла, в частности химический и спектральный анализ.

Но вернемся к рассказу о работе нумизмата. Помните,

весь клад был положен на весы еще перед реставрацией. Теперь, после того как монеты очищены, исследователь снова взвешивает их и подсчитывает, насколько клад стал легче. Понятно, что больше всего потеряли в весе низкопробные и меньше всего — высокопробные монеты. Это необходимо учитывать при определении весовых потерь каждой монеты вследствие коррозии. Однако и на этом взвешивание не заканчивается.

Каждую монету кладут на очень точные аналитические весы. Это поможет установить монетную стопу. Так называется число, показывающее, сколько тех или иных монет изготовлялось из определенного количества металла — монетной гривны. В Польше, например, монетной гривной была так называемая краковская гривна весом около 200 г. Из этого количества серебра при Сигизмунде III чеканилось 7 талеров, или 14 полуталеров, или 31 гданьский орт, или 127 польских грошей, или 540 денариев, — все это с учетом примесей.

Исследователь тщательно измеряет монеты, определяя их диаметр, толщину и т. д. Это помогает установить средние размеры монет определенного типа, что не всегда просто, поскольку, например, монеты раннего средневековья, даже однотипные, вследствие несовершенства техники изготовления могут отличаться размерами.

Определение метрологических характеристик монет, то есть их веса, размера и пробы взвешиванием, обмериванием и пробированием, позволит полнее исследовать роли этих нумизматических памятников в денежном хозяйстве соответствующей эпохи, установить, в частности, стоимостные соотношения между этими монетами на рынке и тем самым приподнять завесу над экономической историей прошлого, не отраженной в письменных источниках.

Атрибуция, то есть установление принадлежности хронологии тех монет, о которых речь шла выше, не всегда затруднений. Они хорошо сохранились, и на них можно было легко прочесть имя монетного сеньора, названного

страны (или города на гданьском орте), дату. Располагая такими данными, нумизмат с помощью справочников и специальной литературы уже более уверенно определит монету: уточнит либо расшифрует ее надписи, которые за неимением места часто давались в сокращенном виде или даже аббревиатурами, назовет монетный двор и имя его управляющего, как говорят нумизматы, монетария. Намного труднее определить плохо сохранившиеся монеты, надписи на которых содержат слишком мало сведений для атрибуции.

При определении поврежденных и плохо сохранившихся монет на помощь исследователю приходят его знания, опыт, чутье, то есть все то, что называют квалификацией ученого. Даже незаметные для постороннего глаза детали часто позволяют специалисту установить происхождение и дату монеты. Например, в украинских кладах XIV—XV вв. часто встречаются пражские гроши — большие для своего времени чешские монеты весом от 3 до 3,7 г и диаметром около 3 см. Причем, как правило, эти монеты, десятилетиями употреблявшиеся в повседневном денежном обращении, настолько истерты, что их надписи (легенды, как говорят нумизматы) и изображения невозможно разобрать (табл. III, 2а, 2б). По размеру, толщине монетного кружка, его фактуре нумизмат устанавливает, что имеет дело с пражским грошем. После этого даже намеков на легенду достаточно для атрибуции монеты. Когда и этого нет, на помощь приходит метрология. Предположим, совершенно истертый пражский грош весит около 3 г и сделан из серебра 700 пробы. Этого достаточно, чтобы определить монету: справочники, составленные на основании изучения большого количества пражских грошей хорошей сохранности, помогают установить, что перед нами пражский грош чешского короля Вацлава IV (1378—1419).

Вплоть до XVI в. европейские монеты в абсолютном большинстве выпускались недатированными, что весьма

затрудняет их определение. Не всегда помогает и наличие на монете имени монетного сеньора — в эпоху существования в Западной Европе мелких феодальных монархий имена королей и князей часто повторялись. Например, в первой половине XV в. в Польше выпускались тождественные по внешнему виду и даже по метрологическим характеристикам монеты от имени двух Владиславов — Ягайло (1386—1434) и Варненчика (1434—1444), что очень затрудняет атрибуцию их монет. В средневековой Баварии в течение сравнительно недолгого периода правилом семь Генрихов и все они выпускали монеты. Тем не менее современная нумизматическая наука владеет разнообразными методами атрибуции плохо сохранившихся, недатированных и даже анонимных монет (то есть тех, на которых отсутствует имя монетного сеньора). Один из этих методов, метрологический, мы уже описали.

Исключительного успеха в установлении хронологии недатированных монет добился выдающийся советский нумизмат И. Г. Спасский. Изучая русские копейки XVI—XVII вв., он сумел точно установить время и последовательность выпуска этих в преобладающем большинстве недатированных монет. Для этого ученый использовал собственный метод установления технических связей и родства между монетными типами по штемпелям, с помощью которых изготавливали монеты.

...Наконец все монеты клада очищены, взвешены, определены их пробы и размеры. С возможной в каждом конкретном случае точностью установлены места и даты их чеканки. Однако исследователь не спешит приступать к разборке клада — выделять необходимые для пополнения коллекций музеев монеты и откладывать парные экземпляры в дублетный фонд. Ведь он выполнил лишь начальный этап работы — определил и классифицировал монеты клада. Теперь настало время исследовать сам клад в целом как ценный экономический памятник истории.

КТО, КАК И ЗАЧЕМ ЗАКАПЫВАЛ МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ?

Почему возник обычай хранить ценности, в частности монеты, в виде кладов?

Долгое время ученые считали, что люди закапывали деньги в землю (или прятали иным способом) при приближении какой-либо опасности: набега разбойников, нападения врага и т. п. Эта теория кажется заманчивой. В эпоху феодализма, к которой и относится абсолютное большинство найденных монетных кладов, войны были обычным явлением. Но затем нумизматы обратили внимание на то, что, как правило, монеты в кладах завернуты в ткань, положены в горшочек, часто залитый воском, чтобы не проникла влага. Во многих случаях упаковка настолько тщательная, что невозможно представить, как за считанные минуты во время вражеского нашествия или разбойничьего набега можно было так старательно уложить клад. Да и для того, чтобы скрыть его в земле или в стене постройки (а почти все найденные клады были спрятаны именно таким образом), необходимо немалое время. Здесь что-то не так, рассудили ученые. И нумизматическая статистика подтвердила, что нельзя объяснить создание кладов только угрозой опасности для их владельцев.

При составлении топографии монетных находок на Украине, относящихся к эпохе феодализма, в которой автором учтены тысячи кладов VIII—XIX вв., оказалось, что преобладающее большинство их относится к XVII в. Причин для этого немало. Прежде всего в этом веке значительно возросли масштабы товарного производства, торговли, денежного обращения, увеличилось производство монет. В XVIII и, особенно, в XIX вв. интенсивность образования кладов резко уменьшается. К тому времени появляются другие, более надежные способы сбережения ценностей. Вот на примере XVII в. и рассмотрим влияние различных общественных событий на процесс создания кладов.

В 1648 г. началась освободительная война украинского народа против польских феодалов, которая в 1654 г. привела к воссоединению Украины с Россией. Война была жестокая, города и села по многу раз переходили из рук в руки. Карательные отряды беспощадно преследовали сторонников Богдана Хмельницкого. В течение нескольких лет население Украины не могло быть спокойным за свой завтрашний день. С точки зрения теории, по которой каждый клад — продукт опасности, 1648—1654 годы должны были бы дать большее по сравнению с предшествующим или последующим периодами количество кладов. Однако статистика свидетельствует, что как до 1648 г., так и после 1654 г. кладов припрятывалось не меньше, чем во время освободительной войны. Более того, самая многочисленная группа кладов XVII в. датируется 1621—1627 гг., когда на территории Украины царил относительное спокойствие. Поэтому не следует объяснять процесс создания монетных кладов одной лишь опасностью для их владельцев. Тем не менее можно предположить, что какая-то, хоть и небольшая, часть кладов возникла под угрозой такой опасности.

Искали и другие причины создания монетных кладов. Одни ученые утверждали, что таким образом копили приданое для невест, другие — что клад вообще играл роль семейной копилки, куда в течение десятков лет складывали деньги. Но трудно предположить, что все обнаруженные клады — потерянное невестами приданое. Не могло быть столь массового явления. Кроме того, обычный клад, как уже говорилось, состоял из небольшого количества монет и слишком мало стоил, чтобы служить приданым.

Нельзя считать клад и домашней копилкой. В большинстве случаев клады содержат монеты, датируемые значительным промежутком времени, и соотношение между ними по годам неравномерное (больше всего монет, выпущенных в последние перед сокрытием годы), чего не было

бы при использовании клада как семейной мошны. Встречаются, правда, клады с монетами, которые охватывают десятилетия, а то и сотни лет, причем каждый период представлен достаточным количеством монет. Вот они и могли быть домашними копилками. Но таких кладов недостаточно для того, чтобы объяснить распространенное в прошлом явление сокрытия денег.

Пока причина создания кладов была неизвестной, ученые спорили и относительно того, кто именно закапывал монеты — местный житель или проезжий купец. А оснований для подобных противоречий было немало. Например, в IX—XI вв. на южнорусских землях были в употреблении монеты не только местного производства, но и арабские, так называемые куфические дирхемы, а также византийские. Тогда в Южной Руси, особенно в городах, частыми гостями были иноземные купцы, прежде всего арабские.

Некоторые ученые считали, что именно купцы закапывали привезенные с собой монеты: арабы — арабские, греки — византийские и др. Даже теперь, когда эта теория опровергнута, нам довелось прочитать в одной научно-популярной книжке для детей такое: «Без сомнения, по киевским землям разъезжали купцы, византийские и арабские, и закапывали время от времени клады». Зачем? — спросит читатель. И правильно спросит, так как проезжему человеку нет смысла закапывать ценности в чужой стране: он не знал, вернется ли когда-нибудь туда.

Монетный материал также опровергает предположение, будто укрывателями кладов были иноземные купцы. Ведь клады, как правило, состоят из небольшого количества мелких монет. Они ни в коем случае не могли принадлежать купцу, человеку зажиточному.

Наконец, может быть, клады закапывали местные жители? И вот здесь мы подходим к раскрытию механизма и движущих сил создания монетных кладов.

Представим себе рынок большого средневекового города. Здесь множество местных и иноземных товаров. Осуществляются большие и малые торговые операции. Продаются и покупаются мешки шафрана, перца, штуки сукна и бархата, партии шапок, сапог, серпов. Этот рынок подвластен стихии феодальной торговли. В данный момент на нем нет (или они очень дороги) необходимых товаров — соли, гвоздей, дешевых тканей и т. п. Поэтому человек с небольшим достатком не может ничего приобрести, даже имея определенную сумму. Создаются излишки денег. Вот их и прятали подалеже от постороннего глаза, чаще всего закапывали в землю, оставляя себе лишь несколько монет на ближайши́е дни. Так несоответствие между суммой цен товаров и суммой имеющихся у населения денег порождало клады. Это главная причина создания кладов.

В нумизматической науке существует мнение, что насыщенность кладами определенной территории пропорциональна интенсивности денежного обращения в ее пределах. В основном это правильно, однако из правила бывают исключения. С одним из них автор этих строк познакомился при исследовании денежного хозяйства Галицкой Руси XIV—XV вв.

Письменные источники свидетельствуют, что монетное обращение Галицкой земли в XIV—XV вв. было очень оживленным. Известно, какие именно монеты здесь курсировали. Во Львове был монетный двор, где чеканили монеты для нужд внутренней и внешней торговли. Однако галицкая территория не богата монетными кладами того времени. Возможно, в упомянутый период население Украины вообще по каким-то неизвестным нам причинам не прятало монетных кладов? Нет, на Волыни и Подолье находки монет XIV—XV вв. более часты, чем на Галицкой Руси, хотя денежное обращение здесь было менее оживленным. Несомненно, сравнительная редкость обнаружения кладов на территории Галицкой Руси вызвана тем,

что здесь монетам были свойственны какие-то особые функции, которые не позволяли им выпадать в клады.

Все выяснилось при изучении Львовской городской книги за 1382—1389 гг. Оказалось, что во Львове и, несомненно, в других галицких городах того времени существовали уже достаточно развитые кредитные отношения (деньги занимали под залог, получая при этом проценты). Кредитные отношения в XIV—XV вв. могли возникнуть лишь в городах с высокоразвитой внутренней и, особенно, внешней торговлей. Иначе у того, кто брал деньги в долг, не было бы возможности их использовать. Занимать деньги под залог и проценты было целесообразнее, чем закапывать их в землю мертвым капиталом. Таким образом, кредит поглощал остатки денег, появившиеся в процессе обращения. Не следует думать, что кредитные операции обязательно отличались большими масштабами. Сделки заключались и на уровне ссуды двух десятков «черных» монет под залог пары сапог или заячьей шапки.

КЛАД РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

После того как первичная обработка клада закончена, начинается систематическое изучение находки. Исследуя кучку невзрачных монет, специалист может узнать очень многое. Вот как раз с методикой современного учено-нумизмата мы и познакомимся.

На нашем рабочем столе лежит много монет. Известно, что они из клада, найденного в 1911 г. в Соснице на Черниговщине. Но клад не попал сразу к нумизмату. Позднее к нему добавили монеты из другой находки, то есть смешали два клада. Потом первый клад был отделен от второго, однако не известно, насколько квалифицированно это сделали. Поэтому первое наше задание — установить, все

ли монеты из тех, что лежат сейчас на столе, из одного клада, или, быть может, здесь есть представители и других кладов. Это имеет большое значение, поскольку при наличии побочных примесей кучка исследуемых монет не может считаться кладом, который отражает денежное обращение своего времени.

В большинстве своем монеты, к изучению которых мы приступаем, чрезвычайно редкие. Это монеты Владимира Ольгердовича второй половины XIV в. До сих пор науке было известно лишь 30 таких экземпляров, причем в кладах обычно встречалось по 2—3 монеты. Наш клад содержит их около тысячи. Поэтому внимательный анализ может открыть новую страницу в украинской нумизматике, ведь вследствие малочисленности монеты Владимира Ольгердовича почти не были изучены. Кроме того, есть надежда использовать эти нумизматические памятники как сугубо исторический источник, больше узнать о самом князе Владимире — одной из наиболее загадочных личностей украинского средневековья.

Рассматриваемый комплекс монет (пока что остережемся называть его кладом) зафиксирован в нескольких архивных делах, упомянут в литературе. Но сведения о нем весьма противоречивы. Одни пишут, что в Сосницком кладе преобладали татарские монеты, другие — что большую часть его составляли монеты Владимира Ольгердовича. Мало того, все источники утверждают, что клад насчитывал 600 монет, тогда как перед нами около тысячи лишь монет Владимира. Следовательно, отделение монет Сосницкого клада от другого произвели небрежно? Не будем спешить с выводами: все тысяча с лишним монет относятся к одному и тому же времени — ко второй половине XIV — максимум к началу XV в. А другой клад состоял из польских низкопробного серебра монет XVII в. Отделить их было нетрудно. В комплексе монет второй половины XIV — начала XV в. преобладающее большинство составляют монеты Владимира Ольгердовича, редкость

которых — наилучшая гарантия того, что здесь один, а не два клада. А как же быть с цифрой 600, которую называют источниками? Ознакомление с заметками, которые делал на пакетиках с монетами один из первых их владельцев, убеждает, что исследуемые монеты были собраны по частям, вначале, вероятно, в количестве 600, а затем все остальные. Следовательно, с известной осторожностью мы можем считать кучку монет на нашем столе единым кладом, найденным в Соснице в 1911 г.

Сначала выполняем техническую работу: описываем монеты, взвешиваем их, наиболее выразительные экземпляры фотографируем. Дело продвигается очень медленно, так как техника чеканки монет крайне низка. Вместо четких изображений и надписей даже в сильное увеличительное стекло едва заметны невыразительные очертания каких-то фигур и отдельных букв легенд. Из десятков и сотен отрывков надписей попытаемся восстановить полную легенду монет Владимира Ольгердовича. Для этого составляем палеографическую таблицу, куда выносим различные варианты начертания букв на монетах киевского князя. Постепенно буквы легенд становятся более понятными, но до восстановления полной надписи еще далеко.

Параллельно с тщательной обработкой клада изучаем письменные источники и литературу с упоминаниями о Владимире Ольгердовиче. Результаты малоутешительны. Отец Владимира — литовский князь Ольгерд — в 1362 г. захватил Киевскую землю и посадил здесь князем своего сына. Владимир княжил в Киеве до 1394 г., пока его не изгнал литовский князь Витовт. Известно также, что Владимир стремился оторвать Киевскую землю от Литвы и княжить самостоятельно, о чем свидетельствуют факты его неповиновения Витовту и стремление сделать киевского митрополита Киприяна главой русской церкви.

Эти данные представляют большой интерес для историка, но нумизмату от них мало пользы. Для работы с монетами Владимира желательно знать хотя бы следующее:

где был расположен монетный двор князя; годы начала и конца чеканки монет; курс монет относительно других единиц денежного обращения тогдашней Киевской земли. Но если в письменных источниках есть сведения, пусть единичные, о Владимире, то о его монетах нет даже упоминания.

По этой причине, а также вследствие малочисленности монет Владимира Ольгердовича вкладах (до начала исследования Сосницкой находки) нумизматическая наука не придавала им большого значения как средству обращения, не стремилась даже ответить на вопрос, кто их чеканил. Многие считали, что Владимир был не князем, а литовским губернатором в Киеве и не имел права чеканить деньги, поэтому исследуемые монеты в действительности принадлежат литовским князьям Кейстуту и Скиргайлу.

Таким образом, нумизматические памятники с именем Владимира должны рассказать о себе сами (табл. III, 3). Вот некоторые результаты исследований. Прежде всего изучение монет показало, что все они чеканены Владимиром. Нет экземпляров, которые можно было бы отнести к Кейстуту или Скиргайлу. Низкая техника выполнения не случайна. Она свидетельствует о том, что на монетном дворе Владимира работали мастера невысокой квалификации и без опыта. Значит, князь не приглашал специалистов со стороны.

Были получены интересные метрологические данные. Взвешивание показало, что стопа монет Владимира оригинальная и не согласуется с литовской, польской, русской и другими монетными системами. Таким образом, монеты Владимира в экономическом отношении — явление самостоятельное.

Находим объяснение и неясности надписей. Исполнители штемпелей пытались вырезать имя князя, однако неграмотность, недостаточное владение техникой резания и малая поверхность заготовки штемпеля (средний размер 10×12 мм) не позволили им это сделать на должном уровне.

И вот каждый раз мастера резали комбинацию из букв, которая лишь отдаленно напоминала княжеское имя: *Волоу, Володи, Воломиро, Вилири* и т. д.

Исследование монет Владимира дает право утверждать, что они отчеканены в Киеве. На княжеском знаке в изображении на лицевой стороне монет читаются *B* и *K* — начальные буквы слов «Владимир» и «Киев» (табл. III, 4).

Наконец изучение весовых и технических особенностей монет Владимира Ольгердовича позволило нам установить последовательность выпуска их основных типов. Это оптимальный результат, поскольку монеты князя, как и все европейские монеты XIV в., не датированы и не могут сообщить нам точные годы начала и прекращения деятельности монетного двора Владимира. При делении монет на типы мы исходили из того, что в Европе второй половины XIV в. имел место непрерывный процесс постепенного снижения веса монет. Несомненно, монеты Владимира не остались в стороне от этого процесса. Когда мы расположили основные типы этих монет по весу, оказалось, что нашей схеме соответствует и постепенное ухудшение техники производства.

При изучении галицких монет производства Львовского монетного двора XIV—XV вв. мы заметили, что наряду с увеличением объема продукции уровень качества чеканки снижался. Технические возможности монетного двора все более отставали от темпов производства. С подобным явлением ученые сталкивались и при исследовании продукции других монетных дворов XIV—XV вв. Поэтому можно думать, что и на Киевском монетном дворе второй половины XIV в. наиболее старательно изготавливались первые, немногочисленные, монеты. И действительно, количественное соотношение между монетами Владимира Ольгердовича разных типов из Сосницкогоклада соответствует этой схеме. Меньше в нем тяжелых, качественно выполненных монет, больше легких, хуже изготов-

ленных. Поэтому до получения дополнительных данных придется считать наиболее вероятной ту схему последовательного выпуска основных типов монет Владимира Ольгердовича, которая является следствием изучения Сосницкого клада.

Кроме монет Владимира Ольгердовича, в Сосницком клады были и другие: польские денарии королей Людовика Венгерского (1370—1382) и Владислава Ягайла (1386—1434), литовский денарий Витовта (1392—1430), татарская монета с клеймом рязанского князя Олега Ивановича (1350—1402) и сорок четыре татарские монеты — дирхемы, имеющие точные даты. Эти последние охватывают период между 1321—1394 гг. Они были выпущены при ханах Махмуде, Тимуре, Узбеке, Джанибеке, Абдуллахе и Тохтамыше в городах Самарканде, Хорезме, Сараях и др.

Как видим, вместе с монетами киевского князя Владимира Ольгердовича в клады собраны монеты многих стран и городов с разных концов света. Как попали они туда, что было с ними перед тем, как они влились в денежное обращение средневековой Украины?

ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ТЫСЯЧАХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Вспомним, что клады, как правило, находят случайно. Каждое обнаружение клада является следствием случая — счастливого для открывателя и для науки стечения обстоятельств. Более того, хотя клад монет и отражает денежное обращение своего периода, его содержимое также не избавлено от влияния случайностей. Однако в мозаике случайностей, в неповторимости каждой отдельно взятой находки нумизмат отыскивает закономерности, а затем на основании их делает теоретические обобщения.

Рассмотрим, например, денежное обращение Черниговщины XIV—XV вв. При изучении черниговских и киев-

ских кладов XIV — начала XV в. выясняется, что при всей своей уникальности клад из Сосницы характерен для своего времени по набору основных типов монет.

Недалеко от Сосницы, в Козельце, в 1923 г. был найден клад, состоявший из татарских дирхемов и монет Владимира Ольгердовича. На территории бывших владений князя, в с. Гвоздове в 1873 г. и с. Борщеве в 1948 г. (оба ныне находятся в Киевской области), обнаружены монеты Владимира опять-таки вместе с татарскими дирхемами. Все упомянутые клады различались размерами и деталями содержания. Например, в Борщевском были две чешские и одна литовская монеты. Однако основные монеты во всех перечисленных находках были одинаковы — киевские и татарские.

От татаро-монгольского нашествия на Русь в 1240 г. до времени сокрытия упомянутых кладов прошло почти полтора столетия. Могущественное когда-то государство, созданное Чингисханом и завоевавшее ряд стран Западной Европы при Батые, в XIV в. переживало тяжелый экономический и политический кризис, распавшись на несколько враждующих между собой ханств. К середине XIV в. часть украинских земель еще признавала власть татарских ханов, а главное — татарское монетное производство буквально наводнило своей продукцией украинский денежный рынок. Условия для этого были благоприятными, так как в далеком прошлом на южнорусских землях, в частности на Киевщине, чеканка собственных монет, сребреников и златников, прекратилась во второй половине XI в. и возобновилась лишь с открытием монетного двора Владимира Ольгердовича, то есть через триста лет. Подобное положение создалось с течением времени и на иных восточнославянских землях. Москва, Рязань, Новгород и другие города начали чеканку монет в конце XIV — начале XV в.

Пока что по неизвестным причинам в найденных до сих пор южнорусских кладах конца XI — первой полови-

ны XIV в. (на западно- и северорусских землях этот период сужается до начала XII — конца XIV в.) почти нет монет. Это так называемый «безмонетный период» в истории отечественного денежного обращения. Приток иностранных, прежде всего арабских, монет прекратился, а те, что остались в обращении (арабские, византийские, западноевропейские и собственной чеканки монеты), переплавили на серебряные слитки весом 160—200 г — монетные гривны (табл. IV, 3). Конечно, стоимость такого слитка была большой (серебро в средневековье ценилось намного дороже, чем теперь), и, следовательно, использовались они для крупных торговых операций, мелкая же, повседневная оплата осуществлялась с помощью каких-то стандартизованных товаров, которые играли роль разменной монеты.

По мнению некоторых советских ученых, такими товароденьгами могли быть шиферные пряслица, индийские ракушки каури (табл. IV, 1) и т. п. Торговля с применением слитков серебра и товаров — заменителей мелких денег продолжалась с середины XI до начала XIV в., когда на территории Украины вновь появляются монеты — как среднеевропейские (чешские), так и восточные (татарские).

Последние пришли на украинские земли немного позднее чешских (чешские — в начале XIV в., татарские — ближе к его середине), почти одновременно с началом чеканки монет в Киеве и Львове. Однако местные монеты не могли конкурировать с чешскими и татарскими, поскольку масштабы деятельности Киевского и Львовского монетных дворов были слишком скромными. К тому же мешала раздробленность Украины, раздел ее земель между феодалами Польши и Литвы, монетные системы которых во второй половине XIV в. были разными. Парадокс денежного обращения на Украине в XIV—XV вв. состоял в том, что на рынке местные монеты количественно уступали иноземным.

Монетные клады средневековья изучают топографическим методом, то есть методом нанесения пунктов находок на географическую карту. На первый взгляд нет никакой системы в расположении мест, где были найдены клады. Однако на самом деле система есть, и о ней стоит рассказать.

Издавна нумизматов интересовало, в каких именно местах закапывали монетные клады. Речь идет, конечно, не о приметах, воспетых в народных преданиях и легендах. Теория, в соответствии с которой клады обычно принадлежали проезжим купцам, заметно влияла на решение этого вопроса. Из нее вытекало, что клады преимущественно должны быть закопаны на торговых путях. Если соединить точки находок линиями, то большая часть их совпадает с общими направлениями торговых путей. Но не проезжие купцы, а местные жители прятали почти все известные науке клады.

Почему все же клады находят вблизи дорог? Ведь торговые тракты — едва ли не самое неудачное место для такого действия, как захоронение клада. По свидетельству архивных и печатных источников, клады, как правило, находят в густонаселенной местности, преимущественно на усадьбах городских и сельских жителей. Часть кладов обнаружена в стенах церквей, замков и других каменных строений, которым не страшен был пожар. Причем же здесь дороги? — спросит читатель. А при том, что они проходят через те города и села, которые ведут более оживленную торговлю. Соответственно на рынках этих городов и селений находилось больше денег, которые вследствие стихии феодального обращения временами должны были уходить в клады. Поэтому население таких городов и сел закладывало монетные клады чаще, чем жители отдаленных от дорог населенных пунктов.

Монеты, как своеобразные орудия торговли, лучше, чем другие материальные свидетельства (остатки товаров, транспортных средств и т. д.), позволяют ученому состав-

вить представление не только о путях, но даже об объеме и интенсивности торговых контактов. К тому же монеты, изготовленные из благородных металлов¹ — серебра и золота, долговечнее других атрибутов торговли.

Особенно хороших результатов с помощью нумизматических методов можно добиться, если в стране или городе, торговлю которых мы собираемся исследовать, выпускалась собственная монета. Это позволяет выделить экономические связи данной страны или города на фоне других. Проиллюстрируем сказанное на примере галицких монет, выпущенных Львовским монетным двором в середине XIV — начале XV в.

Расположение находок галицких монет понуждает нас рассмотреть внешнюю торговлю Галицкой земли соответствующего периода, главным представителем которой был Львов. В основном места находок галицких монет сосредоточены на западе и юго-востоке от Львова. На их материале мы и изучали западное и восточное направления внешней торговли львовских купцов.

Преобладающее большинство находок галицких монет расположено на юго-восток от Львова, что отражает главное направление внешней торговли этого города и Галицкой земли в целом. Галицкие купцы в XIV—XV вв. ездили преимущественно на юго-восток Европы. Торговля на запад от Львова была в руках польских купцов. Такое положение складывалось вследствие завоевания Галицкой Руси Польшей в 1349 г. Это не значит, что галицкие купцы совсем отказались от поездок на запад. Однако их все больше привлекает восточная торговля (Молдавия, Крым и др.). Следует сказать несколько слов о системе средневековой торговли с ее обязательными ограничениями для

¹ Конечно, и средневековые знали медные монеты, однако они применялись на внутренних, преимущественно городских, рынках и не принимали участия в крупной, тем более в международной торговле.

купцов-иноземцев. Купца, который переезжал через границу своей страны, а часто даже и в другом отечественном городе ожидали запрещение пользоваться иным путем, кроме указанного (дорожное принуждение), многочисленные таможи и складское право. На этих трех китах и держалась крупная средневековая торговля Европы, одним из центров которой с середины XIV в. стал Львов.

В соответствии с дорожным принуждением иноземные купцы должны были ездить по специально отведенным для них дорогам, где их подстерегали многочисленные таможи и «складские» города. Попытка свернуть с указанной дороги стоила купцам дорого: власти конфисковывали товары, повозки и лошадей.

Таможен было очень много. Наряду с государственными существовали частные таможи, самовольно созданные местными феодалами. Особенно много таких таможен было на польских дорогах. Сохранились таможенные тарифы дорог, которые связывали Львов и Владимир-Волынский с прусским городом Торунем в середине XIV в. По ним мы видим, что размеры пошлин были чрезвычайно велики. Нетрудно понять, почему львовские купцы начиная с середины XIV в. все чаще отказывались от поездок на Запад.

Купец, счастливо прошедший многочисленные таможи, по указанной ему дороге приезжал в город, где его ожидало складское право. Этим правом владели в средневековье большие торговые центры. В соответствии с ним приезжий купец должен был остановиться в данном городе на все время действия складского права (обычно от 2—3 дней до 2 недель) и продавать здесь свои товары. Приезжие купцы должны были продавать привезенное оптом и только местным купцам, вступать в соглашения между собой «чужим» купцам запрещалось. За выполнением этого и других правил тщательно следила специальная торговая полиция. Лишь пробыв в городе со складским правом

определенное время, купец мог с непроданным товаром ехать дальше, да и то лишь в том случае, если действие складского права данного города было относительным. Абсолютная форма складского права не позволяла приезжим купцам ехать далее города, который владел им, и с остатками товаров купцы вынуждены были возвращаться домой.

В средневековой Польше складское право в абсолютной форме имели Краков, Познань, Сандомир и другие города. Поэтому галицкие купцы, приезжавшие в Польшу, все равно не могли бы ехать далее упомянутых городов, которые надежно закрывали главные торговые пути на Запад. А как же все-таки львовские монеты попали в Польшу?

Польская администрация не пропускала галицких купцов на Запад, а последние в свою очередь закрыли для поляков дороги на Восток, далее Львова. Правда, не имея абсолютного складского права, город владел этим правом в относительной форме, хотя и с большим сроком действия — 14 дней. Но львовяне сумели превратить свое относительное складское право в абсолютное. Польское, преимущественно краковское, купечество прилагало отчаянные усилия, чтобы пробраться через Львов на Восток. Из письменных источников известны судебные краково-львовские процессы 1396, 1403, 1406 гг. Каждый раз повторялась одна и та же история: Краков выигрывал процесс, но его купцы и после этого не могли проезжать через Львов. На сторону последнего становился... польский король, который постоянно получал подарки-взятки от замкнутого львовского купечества и городского магистрата (во львовских расчетных книгах первой четверти XV в. заведена была даже специальная рубрика «Расходы на короля»).

Находки галицких монет XIV—XV вв. расположены вдоль условной линии, которая соединяет Львов с устьем Днестра. Уже говорилось, что в большинстве случаев мо-

нетные клады находят в населенных пунктах, расположенных на малых и больших торговых дорогах. Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о путях, которые связывали Львов и другие галицкие города с рынками юго-востока Европы во второй половине XIV — первой четверти XV в. На этих дорогах ограничения для иноземных купцов были гораздо меньшими, чем на западных, вот почему галицкие торговые люди отдавали предпочтение восточной торговле.

Из письменных источников известно, что Львов и другие галицкие города в XIV—XV вв. торговали с итальянскими колониями — Кафой и Судаком в Крыму и Тавой на Дону. Старый торговый путь из Львова на юго-восток миновал Молдавию и Валахию; он проходил Подолем через Каменец, затем сворачивал в степи Северного Причерноморья, пересекал Степной Крым и заканчивался в Кафе. Находки галицких монет отмечают этот путь на отрезке Львов — Каменец, а затем исчезают.

Читатель уже знает, что клады припрятывались лишь в населенных местностях, а причерноморские степи тех времен были безлюдными, купеческие караваны шли осторожно, с большой охраной, опасаясь нападений татар. Татарские феодалы в конце XIV в. утвердились в Крыму, медленно, но неуклонно подбираясь к богатым итальянским городам Кафе (современной Феодосии) и Судаку. Время от времени в Крыму вспыхивали военные столкновения между татарами и колонистами. Татары перекрывали дороги и мешали нормальной торговле галицких купцов с итальянскими. Кафа, Судак, Тана были большими посредническими центрами международной торговли между Востоком и Западом. На их рынки привозили товары со всех концов мира: из Константинополя, Венеции, Александрии, Брюгге, Амстердама, Франкфурта, Львова и даже из далеких Персии и Китая. Понятно, что львовские купцы не могли отказаться от контактов с Кафой, Судаком и Тавой (куда их товары попадали по

морю из Крыма). Они настойчиво ищут другой, более безопасный путь в Крым — и находят его.

Карта показывает, что находки галицких монет заходят на территорию Молдавии. По наблюдениям ученых современной Молдавии галицкие монеты были одной из основных единиц молдавского денежного обращения конца XIV — первой половины XV в. Принесла их туда галицко-молдавская торговля.

Сохранился ряд грамот XIV—XV вв., которыми господа (так называли молдавских князей), будучи заинтересованными в развитии торговли, предоставляли льготы украинским купцам.

В особенно привилегированном положении находились львовские торговые люди, которые в главном молдавском городе Сучаве содержали даже собственный заезд. Вероятно, молдавские властелины придавали исключительное значение торговым отношениям с богатыми галицкими городами. Из молдавских грамот ученые узнали о новом торговом пути из Львова к итальянским городам Причерноморья. Он пролегал через Галич, Коломыю, Снятин, Черновцы и Серет до Сучавы. Далее дорога направлялась к морю, в Белгород, откуда купцы плыли на кораблях до Кафы и Таны. Как видим, в данном случае изучение нумизматических памятников оказало добрую услугу историка средневековой экономики.

При изучении расположения находок галицких монет на карте обнаружилась ошибочность мнения, будто в средневековые купцы обычно проделывали от начала и до конца весь путь, которым шли их товары. Это мнение, и теперь разделяют многие зарубежные исследователи, поэтому мы позволим себе остановиться на нем.

В доказательство подобной теории обычно приводят известные факты дальних переходов венецианских купцов на рынки Северного моря. Ведь купец, полагают некоторые ученые, просто не мог доверить свои товары посреднику из-за неразвитости форм кредита в XIV—XV вв. Одна-

ко на примере Львова читатель убедился, что на галицкой земле существовали развитые кредитные отношения. Аналогичное явление было известно также в Италии, Франции, Польше, Германии и других европейских странах того времени. Даже в начале XV в. — тогда, когда почти прервались отношения между Польшей (в состав которой входил Львов) и Тевтонским орденом: приближалась Грюнвальдская битва 1410 г., — кредитные операции между львовскими и прусскими купцами продолжались, как и прежде. Следовательно, предположение о невозможности перепоручения товаров посредникам отпадает. С другой стороны, ограничения торговых сделок купцов на рынках чужих для них стран, число которых увеличивалось с каждым годом, делали нецелесообразными дальние торговые поездки. Иное дело — море, путь венецианцев, на котором нет таможен.

Однако изложенные выше рассуждения во многом базируются только на логике, поскольку неоставало свидетельств источников. Вот здесь и пригодилась карта находок галицких монет на юго-восток от Львова. Она свидетельствует о том, что уже в XIV—XV вв. торговля носила, так сказать, эстафетный характер. Галицкие монеты находили не далее Молдавии. Наталкиваясь на южных дорогах (хотя и в меньшей мере, чем на западных) на всяческие ограничения, прежде всего таможи и дорожное принуждение, галицкие купцы предпочитали сбывать свои товары на промежуточных торгах, то есть в Сучаве и Белгороде. Точно так же итальянские купцы из Кафы и Судака не ездили далее молдавских городов. В Крыму ни разу не были найдены галицкие монеты, а в Галицкой земле — крымские, что убедительно свидетельствует о посредническом характере галицко-крымской торговли.

Безусловно, роль Сучавы и других молдавских городов не ограничивалась посредничеством в галицко-крымской торговле. Из письменных источников известно, что торговля между Молдавией и Галицкой землей со временем,

где-то в середине XV в., начинает преобладать над галицко-крымской. Особенно больших размеров достигает торговля скотом, воском, кожей.

В XIV—XV вв. Львов был в свою очередь одним из главных посреднических рынков в торговле между Востоком и Западом. Здесь заключались крупные торговые соглашения. Из Львова в Краков, Познань, Вроцлав, Торунь и другие города Средней Европы гнали большие партии скота, везли меха, хлеб, мед, воск, древесину, ремесленные изделия, а также восточные товары: бархат, драгоценности, вино, перец, шафран и т. д. Из городов Западной Европы во Львов поступали сукна, одежда, оружие и другие металлические изделия.

Львовские купцы редко ездили на Запад, однако чаще, чем о том говорят письменные источники. А узнали мы об этом благодаря находкам галицких монет в Польше. Начиная со времени вступления на престол короля Владислава Ягайла (1386 г.) Галицкая земля теряет остатки прежней автономии. Польские монеты проникают на ранее недостижимый для них галицкий рынок. Но одновременно происходит и обратный процесс — галицкие монеты вливаются в денежное обращение Польши. В ряде случаев они заносились туда галицкими купцами, бывало, что и польскими. Главное же, что эти находки отмечают пути галицких товаров в Польше.

Долгое время ученые считали, что левантийские (восточные) и восточноевропейские товары поступали на рынки Фландрии и Северной Германии из Галицкой земли только через Краков и Вроцлав. Однако кое у кого возникли сомнения: почему для этого не использовался более прямой путь через Познань? Ведь и для купцов он был значительно более выгодным вследствие меньшего количества таможен на нем по сравнению с краковским и вроцлавским путями. Тем не менее письменные источники почти не упоминают о львовско-познаньских торговых связях. Известный исследователь познаньской торгов-

ли Л. Кочи утверждает даже, что до конца XV в. между Львовом и Познанью не было прямого торгового обмена. Он установился якобы в начале XVI в., когда познаньским купцам посчастливилось пробиться на львовский рынок, минуя Краков.

Решающее слово здесь сказала нумизматика. Половина всех известных нам на территории Польши кладов с галицкими монетами найдена в районе пути Львов—Познань, следовательно, галицкие товары и, возможно, купцы двигались этим путем по крайней мере в начале XV в. А вблизи очень важного международного пути Львов—Краков найден лишь один клад с галицкими монетами — припоминаете, что львовских купцов не пускало на запад через Краков действие складского права в абсолютной форме? Так нумизматическая наука помогла отбросить мысль об исключительно пассивном характере торговли Галицкой Руси с Польшей. Галицкие монеты принимали активное участие в денежном обращении ряда польских земель, свидетельствуя тем самым об обоюдных экономических контактах.

Возвратимся теперь к Сосницкому кладу и посмотрим, как повлияла на его состав экономическая жизнь, прежде всего торговля Киевской земли конца XIV — начала XV в. При изучении клада мы в малой мере можем опираться на показания письменных источников, так как они разрознены и немногочисленны. Наши выводы построены главным образом на нумизматическом материале, а потому неизбежно страдают определенной односторонностью.

Мы уже отмечали, что качественный состав Сосницкого клада типичен для денежного обращения своего времени, а вот о количественном этом нельзя сказать. Ведь в кладе преобладают монеты Владимира Ольгердовича, их там более 90%. На формировании Сосницкого клада отразился какой-то случай. Его владелец по неизвестным нам причинам имел при себе необычайно большое количество монет Владимира (может быть, клад спрятан управляющим мо-

нетного двора?). Не противоречит ли это положению, согласно которому клады отражают закономерности современного им денежного обращения? Совсем нет. Каждая наука, изучая закономерности, не может отбрасывать влияние случайностей на развитие тех или иных явлений. К тому же основные типы монет этого клада (киевские, татарские, польские, литовские) характерны для украинского денежного обращения XIV—XV вв.

Роль монет Владимира Ольгердовича в денежном обращении Украины XIV—XV вв. была довольно скромной. В основном находки этих монет сосредоточены на территории современных Киевской и Черниговской областей. Отсутствие монет Владимира в кладах Галицкой земли, Подолья, Волыни свидетельствует, что они употреблялись в большинстве случаев на торгах Киевского и Черниговского княжеств. Все другие монеты Сосницкого клада (татарские, польские и литовские) курсировали на рынках целого ряда украинских земель XIV—XV вв. Особенно были распространены татарские дирхемы, которые встречаются почти на всей территории Украины. Польские и литовские мелкие монеты (денарии) употреблялись главным образом на Волыни и Подолье, но, как показывает состав Сосницкого и некоторых других кладов, заходили и на Полесье.

Особый интерес вызывает татарская монета с клеймом князя Олега, которая имела хождение на Рязанской земле, где он правил (табл. IV, 2). На основании одного экземпляра, наличие которого в кладе может быть случайным, трудно утверждать о каких-то связях между Киевским и Рязанским княжествами в конце XIV в., однако определенные основания для этого есть. Из письменных источников известна ориентация Владимира Ольгердовича на тверских князей в борьбе за отделение Киевской земли от Литвы. В 1385 г. Владимир выдал дочь за княжича Василия, сына тверского князя Михаила Алексеевича. Несомненно, дала себя знать старая дружба: отец Владимира Ольгерд был женат на тверской княжне Ульяне (Влади-

мир — сын от другой жены), в союзе с тверским князем трижды ходил на Москву (тогда происходила ожесточенная борьба за первенство в Центральной Руси между московскими и тверскими феодалами). Возможно, рязанский купец — а в те времена на купцов обычно возлагали дипломатические поручения — завес с собой на Украину монету, которая употреблялась на его земле.

Заслуживают внимания слитки серебра — монетные гривны в украинских кладах второй половины XIV в. Хотя «безмонетный период» к тому времени окончился, в обращении еще оставались гривны. Пока что ученым не удалось установить курс гривен относительно киевских, галицких и других монет украинского рынка XIV в. Но в кладах второй половины XIV в. находки слитков нечасты, особенно по сравнению с предшествующим XIII в. Постепенно гривны исчезают из обращения, переплавляясь в тиглях ювелиров и, особенно, в печах монетных дворов. Ведь на украинских землях, так же как и на русских землях того времени, не знали месторождений серебра, поэтому сырьем для изготовления монет служили изъятые из обращения средства купли-продажи: старые стертые монеты, а также гривны.

НА СРЕДНЕВЕКОВОМ МОНЕТНОМ ДВОРЕ

В средние века монетные дворы бдительно охранялись. Не в меру любопытного случайного посетителя часто ожидала суровая кара. Это легко понять, если учесть, что чеканка монет составляла тогда исключительное право властелина страны (или города). Особенно тщательно охранялись орудия чеканки — монетные штемпели. Они находились под непосредственным наблюдением управляющего монетного двора — монетария, или монетного мастера, который по мере надобности заменял старый, сбитый штемпель новым. Вышедшие из строя штемпели уничтожа-

лись, чтобы не попали в руки фальшивомонетчиков. При прекращении чеканки монет определенного типа их штемпели также уничтожали, даже если они были пригодны для работы.

Вот почему теперь так трудно разыскать средневековый монетный штемпель. Наука не знает ни одного штемпеля для чеканки украинских монет XIV—XV вв. В Польше, монетное дело которой во многом аналогично украинскому, точнее львовскому, уцелел единственный монетный штемпель XV в. Да что там штемпели! От XIV—XV вв. не сохранилось ни одного инструмента, ни одного камня из стен украинских монетных дворов. Мы не знаем даже, где было размещено монетное производство во Львове или в Киеве. Более того, в письменных источниках нет описаний их деятельности. В таком положении не только исследователи украинского монетного дела XIV—XV вв., но и те, кто изучает монетные дворы России, Литвы и других стран.

И все-таки в руках исследователей есть материал для изучения средневековых монетных дворов — продукт их производства, монеты. Надо только уметь пользоваться этим материалом.

Чеканка монет на территории современной Украины началась очень давно, еще в конце X в., вначале в Киеве, а несколько позже и в Тмутаракани (вторая половина XI в.). Древнерусские монеты выпускали Владимир Святославич, его сыновья Святополк Окаянный и Ярослав Мудрый, а также тмутараканский князь Олег-Михаил. Какими же были монетные дворы, изготовлявшие древнерусские монеты? Ученые предполагают, что для поры X—XI вв. сам термин «монетный двор» следует употреблять лишь условно, и вот почему.

Объем чеканки монет был тогда совсем невелик. Можно думать, что в общей сложности в Киеве, Тмутаракани и Новгороде (где чеканил монету Ярослав до того, как стал киевским князем) было выпущено всего несколько тысяч

монет. Такой вывод подсказан количеством найденных монет. До нашего времени дошло около 10 золотых и многим больше 250 серебряных древнерусских монет X—XI вв., тогда как, скажем, монеты русского царя Алексея Михайловича (1645—1676) сохранились в десятках тысяч. Уже отмечалось, что клады и находки отдельных монет отражают закономерности денежного обращения своего времени. Пора сказать, что на основании многочисленных характеристик монетных кладов можно судить и об общей сумме монет в денежном обращении того периода, который эти клады представляют.

Несколько тысяч древнерусских монет были выпущены в течение столетия в трех городах. Правда, львиная доля их отчеканена в Киеве. Предположим, что в последнем было изготовлено даже десять тысяч монет приблизительно за пятьдесят лет. Таким образом, на год приходится до 200 монет. Наши подсчеты, конечно, умозрительные. Возможно, мы ошиблись, назвав цифру, большую или меньшую в несколько раз. Тем не менее ясно, что масштабы киевского монетного производства были скромными. Незначительнее они были и у соседей, в Польше или Венгрии.

Наши предположения совсем не означают, что в Киеве ежегодно выпускали одинаковое количество монет, скажем 200. В действительности производство их время от времени прерывалось и по политическим, и по экономическим причинам, а также вследствие изменения типов монет. И даже если условно предположить, что все киевские монеты выпущены в течение двух-трех лет, читатель поймет: для столь малого количества экземпляров не стоило устраивать стационарный монетный двор. Так оно и было на самом деле. Из западноевропейских хроник X—XI вв. известно, что тогда монетный мастер носил весь монетный двор... в мешке. Для того чтобы изготовить несколько десятков монет в день, достаточно было труда одного человека, вооруженного парой штемпелей, ручным молотом и десятком

других инструментов. Ограниченные размеры монетной чеканки делали ее чрезвычайно мобильной.

Боле или менее солидное производство монет началось на Украине в XIV в., так же как и в Польше, Венгрии и на северорусских землях. В XIV—XV вв., в связи с процессами общеэкономического развития, увеличивается объем внутренней и внешней торговли стран Европы. Рост торговых операций требовал и увеличения количества монет в обращении. Мы уже знаем, что на украинском рынке XIV в. употреблялись чешские и татарские монеты, однако их не хватало. Поэтому, несмотря на отсутствие месторождений серебра на Украине, в Киеве и Львове приступают к чеканке монет. Были, понятно, и другие причины возобновления чеканки монет. В частности, этого требовали нужды внутренней торговли, для которой нужна была собственная монета. Последнюю местная администрация могла держать под контролем, регулируя масштабы ее выпуска, и тем самым влиять на денежный рынок.

Сведения об обоих монетных дворах Украины второй половины XIV в. — Киевском и Львовском — весьма скудны. О первом мы знаем намного меньше, чем о втором. Поэтому рассказ наш мы строим на материалах о Львовском монетном дворе, дополняя его сведениями о других монетных производствах того времени, как отечественных, так и иностранных.

Хотя в письменных источниках и не сохранилось описаний деятельности Львовского монетного двора, все же он, в отличие от Киевского, упоминается в них неоднократно.

Было бы хорошо, если бы до нашего времени дошли счета или какая-нибудь иная документация Львовского монетного двора, где бы содержались данные об орудиях производства, сырье, технических процессах, наконец, о плате мастерам. Тогда можно было бы сравнительно легко воспроизвести картину его деятельности. Но вместо этого

в нашем распоряжении лишь краткие, случайные упоминания о Львовском монетном дворе в остатках городских книг конца XIV — начала XV в. По этим скудным сведениям приходится с большой осторожностью восстанавливать навсегда утраченное целое. Но в этом и заключается труд историка-исследователя.

Из Львовской городской книги 1382—1389 гг. и расчетной книги Львовского магистрата 1404—1414 гг. стали известны имена монетных мастеров. Львовский монетный двор принадлежал королю, и в 1408—1411 гг. городские власти предприняли попытку выкупить у него монетный двор, однако потерпели неудачу. Источники ничего не говорят о сроках и масштабах чеканки монет во Львове, о техническом оснащении и о месте расположения самого двора. Тем не менее на основании изучения продукции Львовского монетного двора — галицких монет, а также различных, часто косвенных, упоминаний письменных источников удалось воспроизвести картину организации монетного дела во Львове конца XIV — начала XV в.

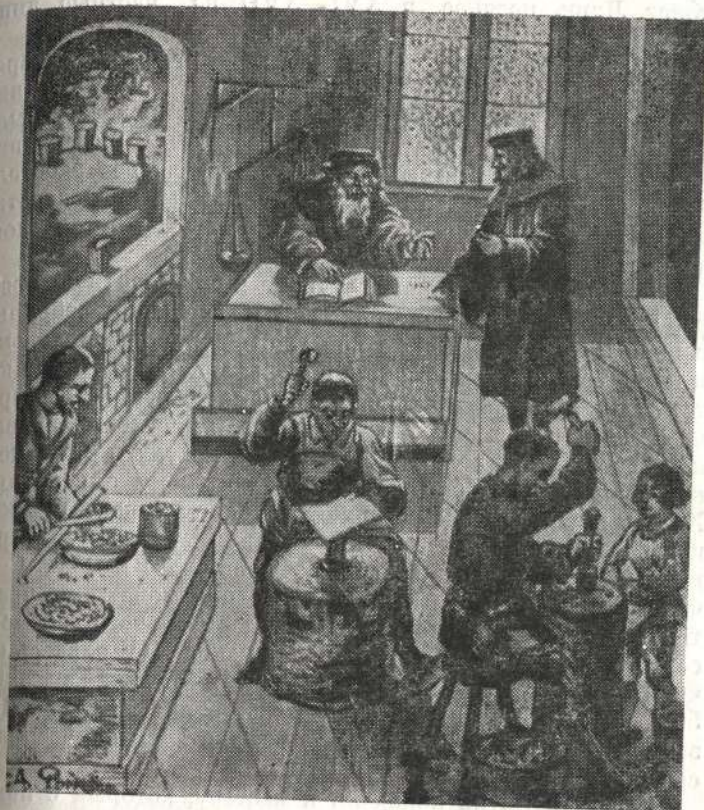
Один из документов первых лет XV в. позволяет определить главный источник поступления серебра на Львовский монетный двор. Грамотой молдавского господаря Александра I Доброго львовским купцам было позволено провозить серебро в слитках из Семиградья (Венгрия) через Молдавию. Известно, что в семиградском серебре того времени была небольшая примесь золота. Когда мы подвергли пробирному анализу львовские монеты XIV—XV вв., обнаружилось, что в их серебре также содержится незначительная доля золота. Это дает возможность утверждать, что Львовский монетный двор работал на сырье, привозимом из Семиградья. Возможно, подобно другим монетным дворам, Львовский переделывал старые и полуманьяные монеты, выпавшие из обращения, но этот источник сырья был второстепенным.

Хотя описание Львовского монетного двора XIV—XV вв. не сохранилось, мы можем представить его техни-

ческое оснащение. Львовские монеты изготовлены по техническим нормам, подобным нормам, принятым на польских монетных дворах того времени, например на Краковском. Сохранился счет, который в 1389 г. подал краковскому магистрату монетный мастер Руше. В нем перечислено основное оборудование Краковского монетного двора: правильная печь, тигли для переплавки металла, пробирный камень, наковальня, большие и малые молоты и т. д. В перечне отсутствует главное орудие производства монетного дела — штемпели, но читатель знает, что они принадлежали не монетному мастеру, а королю.

Очень рано в мировом монетном деле была установлена монополия на производство монет. Никто, кроме суверенного властелина — монетного сеньора, не имел права чеканить деньги. Редко право чеканки монет имели большие города. Монетные дворы находились под непосредственным руководством государственной или городской финансовой администрации либо же их отдавали в аренду специалистам монетного дела, а иногда просто ловким дельцам, любителям погреть руки.

Сохранилось множество иконографического материала (картины, рисунки, миниатюры), где изображено производство монет. На стр. 65 помещена французская гравюра, на которой показаны процессы чеканки. На изображенном современном французском монетном дворе XV в. одновременно производилось несколько операций. В центре молотком расплющивают слиток серебра, превращая его в тонкий лист. Слева большими ножницами (обратим внимание на эту деталь!) как будто вырезают кружки — заготовки для чеканки монет. Наконец, справа показан сам процесс чеканки: ремесленник бьет молотком по верхнему штемпелю, ему помогает ученик. В глубине мастерской ее руководитель рассчитывается с клиентом. Дело в том, что долгое время существовала практика, в соответствии с которой любой человек мог прийти на монетный двор, принести собственное серебро и потом получить его в виде

Западноевропейский монетный двор XV в.

монет. Лишь позднее, в XVI—XVII вв., частные лица лишились доступа на монетные дворы.

Другие рисунки XV—XVI вв. в общих чертах повторяют приведенный нами. Однако на самом деле изготовление монет было намного сложнее. Во-первых, процессов было не три, а больше. Во-вторых, существовало разделение труда. В-третьих, людей на монетном дворе работало больше. Попробуем воспроизвести картину производства монет в XIV—XV вв. на примере Львовского монетного двора.

Большая часть сырья поступала в виде слитков серебра, меньшая — как монетный лом и вообще серебряные вещи. Поэтому на каждом монетном дворе, следовательно, и на Львовском, обязательно была плавильная печь, в которой переплавлялся серебряный лом. Не раз, когда страна оказывалась в трудном положении, в монеты превращали серебряные и золотые украшения, посуду и даже церковную утварь. Кроме того, приблизительно с середины XIV в. в европейские серебряные монеты (кроме русских и некоторых других) начинают добавлять лигатуру — смеси благородных металлов, обычно олова и меди. Сначала Львовский монетный двор чеканил монеты из практически чистого по техническим нормам того времени серебра (875—938 пробы), а уже с конца XIV в. здесь начинают производить монеты, в которых содержалось лишь 50% чистого серебра, остальное составляла лигатура. Поэтому печь была необходима еще и для получения сплава серебра с примесями.

Готовые слитки попадали к мастеру, который с помощью молотка превращал их в листы нужной толщины. Этот процесс хорошо известен по миниатюрам, фрескам, витражам и гравюрам средневековья. Изображен он и на приведенной выше гравюре. Расковывание слитка в лист равномерной толщины требовало очень высокой квалификации. Но даже при большом опыте и мастерстве невозможно было достигнуть одинаковой толщины на всей

площади листа. В результате при одинаковом диаметре монеты могли иметь разный вес. Этим и объясняется господствовавший в средневековье способ чеканки «*al magso*», при котором из весовой единицы металла — гривны изготавливали определенное количество монет, не слишком заботясь о тождественности веса отдельных экземпляров.

Заготовка кружков из листов была одной из специфических особенностей монетного производства. В нумизматической литературе прежде господствовало мнение, будто монетные кружки вырезали ножницами из листа металла. Основывается оно на упомянутых средневековых изображениях, а также на том, что на многих средневековых монетах можно заметить следы резки на краях.

Легко представить себе, каких физических усилий требовало бы превращение листа металла в массу кружков с помощью ножниц. Вот несложный подсчет. На Львовском монетном дворе в основе монетной стопы лежала гривна серебра весом около 198 г. В 1389—1399 гг. здесь выпускались монеты из практически чистого серебра весом до 0,96 г. каждая. Следовательно, из листа, в который под молотком монетного мастера превращалась гривна, должно было выйти около 200 кружков, даже с учетом того, что часть металла шла в обрезки! Но недаром, вероятно, на средневековых рисунках ножницы изображены очень большими, а на фреске XV в. в храме св. Барбары в Кутней Горе (Чехия) ножницы настолько велики, что, работая ими, мастер вынужден налегать на рычаги всем телом. Как поверить, что метровыми ножницами (наподобие современных, которыми режут жезь) можно было быстро и ловко вырезать металлический кружок — а в то время монеты имели преимущественно размер 10—15 мм; вряд ли удалось бы таким способом достигнуть даже приблизительно одинакового размера кружков.

Внимательно изучив монеты X—XV вв., нумизматы пришли к выводу, что даже в начале этого периода монетные кружки изготавливались с помощью специального

штампа, который автор этих строк назвал вырубкой. Представим трубу с острыми краями; ударом молотка по ее верхушке из листа серебра вырубали кружки, подобно тому как современная хозяйка формочкой вырезает коржики из слоя тонко раскатанного теста. Правда, для того чтобы получить кружок из нашего «теста», нужны были острая вырубка и сильный удар молотка. Такая несложная механизация серьезно ускорила трудоемкий процесс создания монетных заготовок.

А как же быть с ножницами? Неужели художники XV в., которые сами могли видеть чеканку монет, ошиблись? Нет, ножницы действительно употреблялись, но для обрезки тех монет, которые по весу заметно превосходили стандарт. Еще раз посмотрим на гравюру и увидим, что мастер с ножницами сидит над грудой уже готовых кружков, выбирает нестандартные и срезает с них излишки металла.

Наиболее сложным делом при изучении украинского монетного производства в период средневековья является исследование процесса чеканки монет, поскольку штемпели и другое оснащение Львовского и Киевского монетных дворов XIV—XV вв. не сохранились. Однако к услугам ученых имеется достаточно воспроизведенных этих штемпелей, ведь любая монета является их слепком. А отформованный штемпелями монетный кружок дает возможность изучить операции, которые предшествовали процессам чеканки. В частности, исследование львовских монет XIV—XV вв. позволило автору прийти к выводу, что при их изготовлении применялась вырубка. Наибольший интерес вызывают в данном случае дефектные экземпляры с заметными отклонениями от стандарта: на них яснее прослеживаются особенности техники изготовления¹.

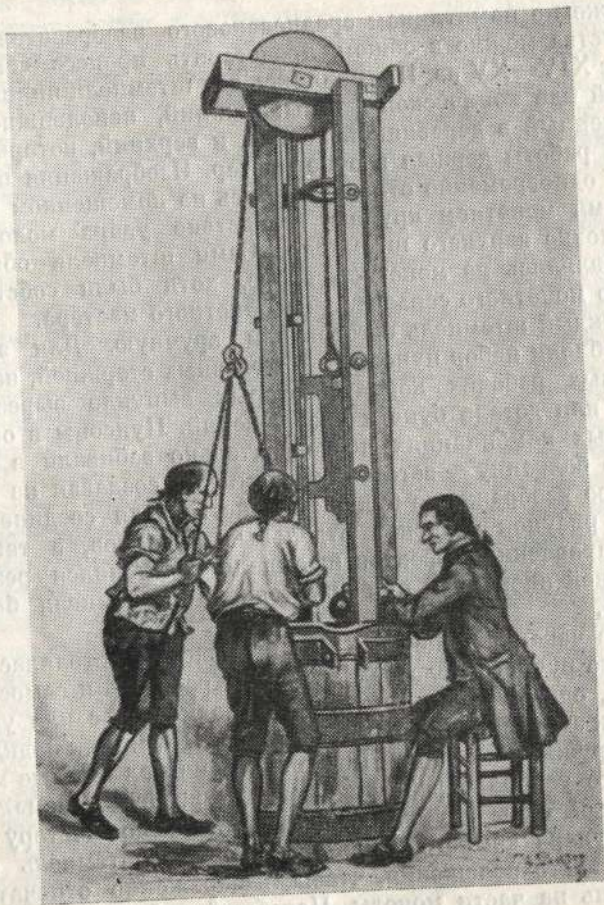
¹ Желаящих подробнее ознакомиться с методикой изучения техники монетной чеканки на основе исследований самих монет отсылаем к нашей книге «Галицка Русь у другій половині XIV—першій чверті XV ст.». К., 1968, стр. 98—108.

Уже по памятникам средневекового изобразительного искусства можно в общем представить процесс чеканки монет XIV—XV вв. Применялись два штемпеля цилиндрической или конической формы: нижний, неподвижно закрепленный в деревянной колоде, и верхний, который во время работы держал в руке мастер. Изображения штемпелей одновременно отпечатывались на помещенном между ними монетном кружке вследствие удара молотком по головке верхнего штемпеля. Сами штемпели обычно изготовлялись на монетном дворе, хотя были собственностью монетного сеньора, а не монетного мастера.

Каждый штемпель изготовляли вручную. Для этого употребляли набор пунсонов — железных стержней, на закаленных рабочих концах которых выпукло вырезаны буквы или детали букв и изображений. Пунсоны в определенных комбинациях последовательно забивали в железную болванку — заготовку штемпеля, создавая на ней обратное изображение будущей монеты. Для соединения в один рисунок оттисков отдельных пунсонов, а также для исправления дефектов отдельных пунсонов, а также. Последней операцией при изготовлении штемпеля была закалка.

Сама чеканка монет в XIV—XV вв. осуществлялась с помощью ручного молота. Мастер мог работать и самостоятельно, однако чаще ему помогал подмастерье или ученик (как это видим на гравюре XV в.). Помощник подкладывал кружки на нижний штемпель и снимал готовые монеты, что ускорило работу. Чеканка требовала немалой физической силы и умения. Достаточно было мастеру в момент удара немного отклонить верхний штемпель от вертикального положения, чтобы изображение отпечаталось лишь на части монеты. Подобный дефект довольно часто встречаем на монетах XIV—XV вв.

Когда в XVI в. в ряде стран Западной Европы появились большие и массивные монеты — талеры, для чеканки которых уже недостаточно было удара ручного молота,

Механический молот, применявшийся на монетных дворах XVI—XVII вв.

начали применять механический молот (стр. 70). Однако на Львовском монетном дворе он не применялся, поскольку приведение штемпеля, приспособленного к механическому молоту, в рабочее состояние (подъем вверх на блоках) требовало больше времени, чем при ручной чеканке. И пользоваться медлительным молотом при изготовлении небольших галицких монет не было смысла.

На основе письменных упоминаний и анализа нумизматических памятников мы пришли к выводу, что чеканка монет во Львове началась между 1351 и 1354 гг. (точнее установить время открытия монетного двора невозможно, так как его монеты не имеют дат) и окончилась в 1414 г.

Читатель ознакомился с методикой изучения техники производства тех монетных дворов, чья документация и описание производственных процессов не сохранились, в частности Львовского, увидел, какие трудности приходится преодолевать нумизмату на этом пути. Но с еще большими трудностями автор столкнулся при анализе техники изготовления монет киевского князя Владимира Ольгердовича.

Изучая особенности львовских монет, мы имели дело с тщательно изготовленными нумизматическими памятниками, чья техническая связь с тогдашними западноевропейскими монетами не вызвала сомнения. Вот почему при исследовании львовских монет мы широко пользовались методом аналогий. Иначе обстоит дело с монетами Владимира Ольгердовича. Техника их изготовления чрезвычайно низка даже для XIV в. На преобладающем большинстве экземпляров из Сосницкого клада можно разобрать лишь отдельные детали изображений и следы одной-двух букв легенд.

До последнего времени ученые спорили о том, какими следует считать монеты Владимира Ольгердовича: южно-русскими (так как чеканились они в Киеве) или литовскими (поскольку Владимир был князем из литовской династии, а Киевская земля входила в состав Великого княже-

ства Литовского). Этот спор не абстрактный, так как литовская и русская техники чеканки серьезно отличаются одна от другой.

В метрологическом отношении (размеры, вес) монеты Владимира трудно связать как с литовскими, так и с русскими монетами того времени. С точки зрения иконографии — то же самое. Княжеский знак этих монет совершенно оригинален и не имеет аналогий ни в Северо-Восточной Руси, ни в Литве. На обратной стороне отчеканен четырехконечный крест вместо шестиконечного, а последний был обязательным на литовских монетах. С другой стороны, легенда монет Владимира написана кольцом вокруг помещенного в центре обратной стороны креста или буквы *K*, тогда как на русских монетах конца XIV — XVI вв. легенда писалась только в строчку, сверху вниз. Да и трудно говорить о зависимости монет Владимира от русского монетного дела уже потому, что чеканить их начали почти одновременно с первыми русскими монетами в Москве при Дмитрии Донском.

Можно было бы признать монеты Владимира Ольгердовича полностью самобытными в техническом и типологическом отношении, если бы не форма кружка. Литовские монеты XIV—XV вв., подобно львовским, чеканились на кружках, вырезанных из куска металла. Изучая форму и технические особенности монет Владимира Ольгердовича, автор пришел к выводу, что они отчеканены на заготовках, сделанных из кусочков серебряной проволоки, расплюснутых с помощью молота.

Такой способ изготовления монетного кружка хорошо известен нам из русского монетного дела. Эта техника сохранялась в России с XIV до начала XVIII в. Вместо того чтобы расковывать серебряные полосы в листы и вырубать из них кружки, как это было в большинстве стран Европы, в России серебро на волочильных станках вытягивали в проволоку, которую затем разрубали на кусочки соответствующего веса. После расплющивания в чеканку

шли пластинки овальной формы. Такой способ изготовления монетного кружка имел то преимущество, что при нем не было отходов, которые затем приходилось перерабатывать, и обеспечивал сравнительно высокий стандарт веса монет.

Абсолютное большинство монет Владимира Ольгердовича имеет овальную форму (табл. V, 1). Кроме того, на обоих более узких концах каждой монеты хорошо заметны следы рубки, а это могло быть лишь тогда, когда делили на равные части серебряную проволоку. Но отсюда не следует делать поспешный вывод, что Киевский монетный двор второй половины XIV в. непременно испытывал влияние Московского монетного двора. Поскольку они работали одновременно, возможно и обратное влияние. Однако нам кажется наиболее достоверным иное предположение: на обоих монетных дворах в разное время работал один монетный мастер (как это было с первопечатником Иваном Федоровым, печатавшим книги в Москве, Львове и Остроге).

Из прочих технических особенностей монет Владимира Ольгердовича остановимся на технике вырезывания и материале штемпелей.

В противоположность львовским штемпели киевских монет XVI в. не формовали пуансонами, а полностью вырезали резцом. Поскольку резать по железной болванке трудно, штемпели выполнялись на бронзовых заготовках. В этом убеждает их быстрая изнашиваемость. На многих монетах изображение нечеткое, «плывет», хотя многие такие монеты даже не были в обращении. Среди приблизительно тысячи монет Владимира из Сосницкого клада посчастливилось обнаружить лишь несколько монет одного и того же штемпеля, что также свидетельствует о непрочности последних. Материал штемпеля (бронза), как и разнообразие написания легенд, приближает монеты Владимира Ольгердовича к древнерусским сребреникам. Поэтому есть основания утверждать, что в производстве

монет Владимира Ольгердовича дала себя знать старая традиция, унаследованная от времен Владимира Свято-славича и Ярослава Мудрого.

Можно также думать, что монетный двор Владимира Ольгердовича находился в Киеве или где-то в предместье: там жил князь, на основных типах монет есть буква *K*, наконец, в большинстве случаев монеты были найдены в Киеве или вблизи него.

Говоря о средневековых монетных дворах, стоит рассказать и о их нелегальных конкурентах. Мы имеем в виду фальшивомонетчиков.

На Украине XIV—XV вв., как и на других восточно-славянских землях, в обращении было немало фальшивых монет. Появлению их способствовало то, что большая часть украинских земель в течение столетий входила в состав вначале Польши и Литвы, а затем объединенного польско-литовского государства — Речи Посполитой, где никогда не существовало прочного финансового хозяйства и упорядоченного денежного рынка. Известно, что фальшивые деньги распространялись главным образом на рынках стран с нездоровой финансовой системой, когда количество денежных единиц в обращении выходило из-под контроля власти, деньги обесценивались и портились самим государством, а техника чеканки снижалась до примитивной. Вот тут и открывался простор для действий ловких фальшивомонетчиков.

По свидетельству письменных источников, фальшивые деньги появляются на украинских землях уже в 80-х годах XIV в. В одной из грамот великого князя литовского Витовта за 1388 г. отмечено, что на Украине имеют хождение фальшивые монеты. В судебных книгах галицких городов первой половины XV в. не раз упоминаются фальшивые деньги, а из записи Сяникской книги под 1438 г. узнаем, что к суду привлечен некий Иван Чайка, чеканивший фальшивые деньги. В следующем 1439 г. на рынке того же галицкого города Сяника один из покупателей

Тогомца марта, кнзь сѣвѣнскій Іванъ
Івановъ описавъ, негомътнѣнскѣ
книгѣнъ сѣвѣнъ, сѣвѣнъ предъкльшати
старые денги на попонтекань того
ра. тобыло о стары денги много
сѣвѣнъ денги и помонетъ, сѣвѣнъ

Чеканка монет в России XVI в.

пытался всучить владельцу товара фальшивые монеты номиналом в полугрош. Неоднократно упоминаются фальшивомонетчики во Львовских, Перемышльских и других судебных книгах XV в.

До сих пор на украинских землях археологам не удалось обнаружить мастерские фальшивомонетчиков XIV или XV в., а вот на территории Чехии их известно даже две. В одной подделывали чешские, в другой — польские мелкие монеты XV в. Любопытно, что вещественный материал обеих мастерских свидетельствует о применении вырубки для изготовления монетных кружков. Техника фальшивомонетчиков не могла принципиально отличаться от той, которую применяли на официальных монетных дворах, хоть была, конечно, более примитивной. Так нумизматика получила еще одно доказательство применения вырубки на монетных дворах, где она без сомнения употреблялась уже потому, что ею пользовались фальшивомонетчики.

С течением времени западноевропейские монеты, которыми пользовалось население Украины, особенно мелкие, становятся все более низкопробными и небрежно выполненными. Поэтому не удивительно, что акты источники XVI—XVII вв. довольно часто упоминают о фальшивых деньгах и фальшивомонетчиках. Ведь подделывать низкопробные и небрежно выполненные монеты гораздо легче, чем высококачественные. Из дела Лохвицкого суда за 1665 г., которое хранится в Государственном историческом архиве в Киеве, узнаем, что фальшивомонетчик Федор был приговорен к повешению.

Законодательство всех стран предусматривало суровые наказания за фальшивомонетничество: ведь поддельные деньги подрывали хозяйство, вносили беспорядок в денежное обращение, приводили к тяжелым финансовым кризисам. В Польше, например, в XIV—XV вв. фальшивомонетчиков даже сжигали. Польский историк Длугош ярко описывает сожжение в 1407 г. краковского мещанина,

совершившего подобное преступление. В России не раз издавались государственные указы, предусматривавшие жестокое наказание за подделку денег. В 1533 г. отец Ивана Грозного Василий Иванович приказал отрубать фальшивомонетчикам руки и заливать им в горло расплавленное олово. Царь Михаил Федорович в 1637 г. внес в последнее наказание «уточнение»: вместо олова фальшивомонетчиков кормили «теми их воровскими деньгами», конечно, в расплавленном виде. В других странах фальсификация денег также каралась смертью.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ПРАВИТЕЛЯ

Зачем же выпускали монеты? Знакомый с основами нумизматики читатель уверенно ответит: разумеется, ради материальной выгоды, поскольку чеканка монет в больших масштабах была делом прибыльным. Ну и непременно для развития торговли, роста городов, укрепления экономики. Такой ответ правильный, но не исчерпывающий.

Уже говорилось о крайне редких находках монет киевского князя Владимира Ольгердовича. Об этих монетах не упоминают письменные источники — летописи и хроники, купчие, дарственные и другие грамоты, а состав кладов конца XIV — начала XV в. показывает, что их роль на рынке была весьма незначительной. Безусловно, производство монет в таких скромных размерах не принесло князю никакой выгоды. Тогда зачем он выпускал эти монеты, да еще в течение длительного времени?

Другой пример. Как отмечалось, в конце X — начале XI в. киевские князья чеканили так называемые сребреники. Они еще более редки, чем монеты Владимира Ольгердовича. О них также молчат письменные источники, а на тогдашнем рынке сребреники не могли конкурировать с арабскими, или куфическими, дирхемами. Однако

серебренники выпускались, как показали исследования И. Г. Спасского, в течение продолжительного периода — не менее 50 лет. Для чего нужно было их чеканить?

Дело в том, что, кроме экономического значения, монета имеет политическое лицо. Ведь на ней обязательно указывается имя властителя, в период правления которого эта монета была выпущена. На монете может не значиться год чеканки, страна, в которой она была выпущена, но обязательно присутствует имя монетного сеньора. Вспомним, что резчики штемпелей для монет Владимира Ольгердовича с большими трудностями пытались вырезать на них длинное имя князя. На киевских монетах конца X — начала XI в., выпущенных при Владимире Святославиче, сказано: «Владимир на столе (на престоле.— Н. К.), а се его серебро». Монета, таким образом, является своеобразной визитной карточкой.

Выпуск собственной монеты говорил о независимости властителя и суверенности его государства. Если же монеты чеканил зависимый феодал (вассал), то он обязан был указывать на них имя своего господина (сюзерена).

Имя властителя на выпущенных им монетах помогает при решении многих вопросов истории. Монеты являются одним из основных источников для науки, которая называется исторической хронологией. Предмет ее — определение дат исторических событий и фактов. Приведем несколько примеров использования свидетельств монет в исторической хронологии.

На территории Европейской части Советского Союза находят много кладов с арабскими монетами VIII—IX вв. Характер торговых связей того времени был таков, что арабские монеты двигались главным образом в одном направлении, с Востока на Запад, а навстречу им текли товары, которые арабские купцы покупали за свои деньги на европейских рынках, в частности в Киеве. Пассивный характер арабской торговли с Западом привел к тому, что постепенно из арабских стран в VIII—XI вв. была вывезе-

на почти вся серебряная монета, и теперь на родине их находят гораздо реже, чем, например, на нынешней Украине.

История стран так называемого Арабского халифата VIII—XI вв. чрезвычайно запутана. В его состав входили огромные пространства не только Арабского Востока, но и Средней Азии, Ирана, Закавказья, Месопотамии, Малой Азии, Африки, а также Испании. В халифате беспрерывно происходили смены династий. Письменные источники, оставшиеся от той эпохи, не дают современным историкам достаточного представления о всех правителях стран Арабского халифата, а некоторые небольшие княжества в этих источниках даже не упомянуты. Здесь и помогли арабские монеты: ведь они точно датированы, содержат имя монетного сеньора и название города, где находился монетный двор. Эти сведения позволили нарисовать целостную картину политической истории Арабского халифата VIII—XI вв.

Еще пример историко-хронологического использования нумизматических памятников. Татарское государство Золотая Орда во второй половине XV в. переживало глубокий политический кризис. Ханы сменялись с калейдоскопической быстротой. Бывало, что государство распадалось на несколько ханств, в каждом из которых, конечно, чеканилась своя монета. Как справедливо заметил советский ученый Г. А. Федоров-Давыдов, любой правитель, беря власть в свои руки, пусть даже в разоренной стране, прежде всего стремился увидеть собственное имя на деньгах. Властвование многочисленных ханов Золотой Орды было настолько быстротечным, оставило настолько ничтожные следы в истории, что летописцы и хронисты тех времен даже не сохранили их имен. Лишь по монетам этих неудачных политиков историки узнали об их существовании, о годах и месте правления.

Хотя легенды с именем монетного сеньора преимущественно были краткими, в них он не забывал перечислить

все свои титулы и владения, пусть в сокращенном виде. Но даже и тогда, когда титулы не названы, надпись на монете дает иногда возможность судить о его политическом положении, или, как говорят юристы и дипломаты, статусе.

При изучении галицких монет XIV в. внимание автора этих строк привлекла многочисленная группа так называемых русских полугрошей Владислава Опольского. В 1349 г. Галицкая земля была захвачена феодальной Польшей, но сохранила определенную автономию, о чем свидетельствует чеканка для нее польской властью особой монеты. На лицевой стороне галицких полугрошей польского короля Казимира III был изображен вставший на задние лапы лев и надпись вокруг: «Монета господина Руси Казимира», на обратной стороне — инициал короля — буква *K* под короной, окруженная легендой: «короля Польши»¹ (табл. V, 2).

К 1370 г. Казимир III умер; наследником его стал Людовик, который одновременно был и венгерским королем. Озабоченный делами двух королевств, он перепоручил в 1372 г. Галицкую землю своему ближайшему сподвижнику и другу детства Владиславу — князю Велюнскому и Опольскому. От времен господства Владислава на Галицкой Руси (1372—1378) сохранилось чрезвычайно мало документов, из которых невозможно установить, кем он в действительности был: владетельным князем или правителем от имени короля. Историки, изучавшие многочисленные грамоты Владислава, так и не выяснили этого вопроса, поскольку в титулатуре князя есть большие расхождения. Поэтому при исследовании монет Владислава Опольского мы отнеслись к ним не только как к источнику изучения галицкого денежного обращения и торговли, но

¹ Здесь и далее даем легенды галицких монет в переводе с латыни, на которой они написаны. Латынь была официальным деловым языком в Польше и захваченной ею Галицкой Руси вплоть до XVI в.

и как к реликтам, которые способны бросить хотя бы слабый свет на юридическое положение этого князя на Галицкой земле.

Мы начали с анализа легенд всех известных до сих пор монет Владислава. Сразу же стало ясно, что надписи на обеих сторонах не взаимосвязаны (табл. V, 3). Если на монетах Казимира легенда на одной стороне продолжает легенду на другой, то на монетах Владислава этого нет. Наиболее распространенный тип этих монет имеет легенду: «Князь Владислав — монета Руси» (но не «монета князя Владислава»). Следовательно, надписи на обеих сторонах монет Владислава самостоятельны. Затем возникло предположение, что Владислав был правителем Галицкой Руси, пусть даже и с княжеским титулом. Предположение перешло в уверенность после того, как в коллекции Государственного Эрмитажа нам посчастливилось обнаружить монету этого князя с легендой: «Князь Владислав — Людовика короля Венгрии». Из-за отсутствия места резчик штемпеля опустил слово «монета» перед именем короля (табл. V, 4). А это значит, что монета принадлежала Людовику, а наблюдение за ее чеканкой осуществлял его львовский губернатор Владислав Опольский.

Бывало, что царь, король или князь лишь собирался вступить на престол, а усердный управляющий монетного двора уже заблаговременно готовил комплект образцов монет с его именем и портретом. Конечно, правитель щедро награждал слугу, сумевшего своевременно преподнести дорогой для самолюбия господина подарок. Но случались и недоразумения, об одном из которых стоит рассказать.

В 1801 г. в России произошел дворцовый переворот. Заговорщики убили императора Павла и посадили на престол его старшего сына Александра. Александр I не имел детей, и когда в ноябре 1825 г. он внезапно скончался в Таганроге, никто не сомневался, что императором станет следующий по старшинству сын Павла — Константин. Но никто, кроме царицы-матери и еще нескольких сановни-

ков, не знал, что в 1819 г. Константин отрекся от всех прав на русский престол. В 1823 г. Александр I издал тайный манифест, в котором назначал своим преемником брата Николая. Манифест надлежало опубликовать только после смерти Александра. Скрытность царя привела к неожиданным нумизматическим последствиям.

С 1815 г. Константин постоянно жил в Варшаве, там он и узнал о смерти старшего брата, однако раньше, чем Николай в Петербурге. Поведение Николая до сих пор непонятно историкам. Без сомнения, он должен был знать о манифесте 1823 г., тем не менее 27 ноября, через час после приезда из Таганрога курьера с известием о смерти Александра, присягнул Константину как императору. Затем в Государственном совете открыли пакет с манифестом 1823 г., но еще до того Петербург, Москва и вся страна были приведены к присяге Константину. Ситуация в империи чрезвычайно обострилась. На 14 декабря — день, когда в Петербурге вспыхнуло восстание декабристов, — была назначена «переприсяга». Но возвратимся к монетам.

Сразу же после 27 ноября на Петербургском монетном дворе началось изготовление пробных образцов новой монеты — рублевика царя Константина. Министр финансов Канкрин и его окружение хотели отличиться перед новым властителем, поднеся ему при коронации уже готовые рублевика с его именем и профилем (табл. V, 5). Существует мнение, будто несколько монет руководителя министерства финансов отправили Константину в Варшаву для утверждения.

Понятно, что после 14 декабря работу над «Константиновским рублем» (под таким названием он вошел в нумизматику) прекратили, а несколько этих случайно сохранившихся монет представляют сейчас чуть ли не наибольшую нумизматическую редкость и ценность. Науке известно только семь таких монет, некоторые из них сохраняются в Советском Союзе, а два или три экземпляра еще до революции оказались за границей.

Во времени воссоединения с Россией на Украине сосуществовали в обращении польские, литовские, русские, шведские, венгерские, немецкие, голландские, бельгийские, итальянские и множество других монет. Понятно, что употреблялись они не в соответствии с указанным на них номиналом — разбираться в разных монетных системах простому человеку было трудно, — а по стоимости монетного металла. Но подробнее об этом мы расскажем в следующем разделе.

Иначе обстояло дело в России. С самого начала чеканки монет в Москве, Рязани, Новгороде и других городах принимались меры, чтобы обеспечить собственной монете исключительное положение на внутреннем рынке. Под страхом наказания законодательство запрещало не только пользоваться иноземными монетами на территории России, но и ввозить их туда. В то время как на Западе употреблялись монеты различных размеров и стоимости (различных номиналов, как говорят нумизматы), в России до начала XVIII в. пользовались монетами по сути единого номинала — мелкими серебряными копейками.

Копейки имели ряд преимуществ перед западноевропейскими монетами, в частности были более высокопробными. Однако в повседневном обращении они вызывали множество осложнений: с одной стороны, это были слишком большие деньги, чтобы купить ломоть хлеба (тогда годовой заработок ремесленника едва превышал рубль), а с другой — неудобные для выплаты значительных сумм. Например, для того чтобы возратить долг в сорок рублей, нужно было отсчитать одну за другой четыре тысячи копеек! Нередко люди разрубали копейку на несколько частей, создавая тем самым разменные деньги, а это преследовалось законом.

Такое положение в России продолжалось до 1654 г. Правительство царя Алексея Михайловича осуществило денежную реформу, основная цель которой состояла в том, чтобы пустить в обращение монеты крупнее копейки.

Сначала попробовали выпускать серебряные рублевки, перечекая для этого западноевропейские талеры (табл. VI, 1), а в 1655 г. финансовая администрация Алексея Михайловича решила допустить в обращение в России западноевропейские талеры с особой отметкой — контрамаркой, или, как сказано в документах того времени, «с признаком». На каждом талере выбивали два клейма: круглое с изображением всадника с копьём, как на обычной серебряной копейке, и квадратное с датой «1655» (табл. VI, 2).

Клейменные талеры находились в обращении до 1659 г., когда царское правительство запретило их применять и выкупило у населения. Это было легко сделать в собственно России, население которой привыкло к тому, что правительство полностью регулирует денежное обращение, и трудно на Украине, где «ефимки с признаком» сразу потерялись в массе обычных талеров и применялись наравне с последними. Находки в кладах свидетельствуют о том, что население Украины пользовалось талерами с царскими знаками вплоть до начала XVIII в.

Настоящие рублевики были выпущены впервые при Петре I в 1704 г.

ЧТО НОСИЛИ В КОШЕЛЬКАХ НАШИ ПРЕДКИ

Тысячи кладов старинных монет найдены на Украине, а поток находок не ослабевает. Ежегодно газеты и радио сообщают о нескольких кладах, выкопанных в поле, обнаруженных в дупле старого дерева или в стене полуразрушенной церкви. Ежегодно на рабочие столы ученых и музейных работников ложатся сотни и тысячи монет, которые нуждаются в обработке по изложенным выше правилам. Материал вновь найденных кладов заставляет ученых пересматривать уже упрочившиеся взгляды на денежное обращение прошлого, вносить коррективы в них.

В течение столетнего существования отечественной нумизматической науки описано и изучено, или, как говорят ученые, введено в научный оборот, несколько тысяч кладов и отдельных монет, найденных на территории Украины. На основе сделанного предшественниками и на материале собственных наблюдений современные ученые имеют возможность воспроизвести целостную картину денежного обращения на украинских землях за более чем тысячелетний период и ответить тем самым на вопрос, какие именно деньги носили в кошельках наши предки в течение этого времени.

Довольно часто на территории нашей республики находят римские серебряные монеты — денарии I—III вв. н. э. (табл. VI, 3). Встречаются большие клады с этими монетами. Долгое время ученые спорили о том, какую роль играли римские монеты на нынешней территории УССР. Венеды и анты (так называют древнейших славян, живших на территории современной Украины) находились на том уровне общественного развития, когда деньги людям еще не были нужны. У них не существовало значительного имущественного неравенства и классов, не было и государства. Во главе антских племен стояли вожди, как правило, выборные. В обществах, подобных антскому, деньги не употреблялись.

Так обстоит дело с теоретической точки зрения, но есть еще и находки римских монет. А они настолько многочисленны, что как бы опровергают сказанное выше и утверждают факт наличия денег у антов. Правда, немалая часть римских денариев, найденных на территории Украины, имеет дырки, следовательно, использовалась как женские украшения (монеты нашивались на одежду, из них нанизывали бусы). Часть упомянутых монет служила сырьем для ювелиров. В те времена на нынешней территории УССР не были известны месторождения серебра, однако в кладах с римскими денариями и в захоронениях людей I—III вв. обнаруживают немало серебряных изделий, пре-

имущественно украшений. Ученые пришли к выводу, что они изготовлены из переплавленного монетного серебра. Но приходится предположить также и то, что какая-то, пусть даже скромная, часть римских денариев не применялась для украшений и не была сырьем для ювелиров. Чем же они были на самом деле?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо четко представить себе, как попали денарии на прарусские земли.

Во II—III вв. н. э. некогда могущественную Римскую империю все ощутимей сотрясали удары ее северных и восточных соседей, «варваров», как называли их гордые римляне,— древних германцев, галлов, фракийцев и др. Немало хлопот причиняли Риму и наши далекие предки анты, осуществлявшие военные экспедиции в глубь империи, в частности на территории, соседствующие с нынешними украинскими землями. Правительство империи не имело возможности лишь военной силой отразить натиск своих многочисленных соседей, поэтому прибегало к подкупу вождей племен, стремилось наладить с ними торговые отношения. Кроме политической игры, этого требовали и экономические нужды, поскольку Рим привлекали товары, отсутствующие в самой империи. В частности, у антов римские купцы покупали меха, кожу, мед, воск и т. д. За эти товары римляне платили, как правило, другими товарами, но случалось, что и своей серебряной монетой — денариями.

Вначале антские вожди, несомненно, неохотно принимали кусочки чеканного серебра, но с течением времени убедились, что сами римляне с готовностью берут эти серебряные кружки в обмен на привезенные из Италии товары. Соседство с Римской империей, политические, военные и торговые контакты обусловили знакомство древних антов I—III вв. с деньгами прежде, чем того требовал уровень их общественного развития.

Однако римские денарии не проникли в глубь антского

общества. Среди простого люда товары, как и прежде, обменивались на другие товары. Чеканная монета использовалась лишь в расчетах между антскими вождями и в торговле с Римом. Большое количество найденных на Украине кладов с римскими денариями (а завозили их сравнительно немного) свидетельствует как раз о том, что возможностей применения монет было мало и потому они выпадали из обращения.

О том что древнеславянское общество еще не созрело для использования чеканных денег, свидетельствует и такой факт. С конца III до конца VIII в., то есть на целых пятьсот лет, монеты исчезли из обращения на современной территории СССР. Стоило Римской империи ограничить, а затем прекратить свою торговлю с древними славянами, чтобы они перестали пользоваться чеканными деньгами. Постепенно римские денарии, оставшиеся в руках антской верхушки, были превращены в серебряные вещи, новые монеты не поступали, и наши предки, как и в доримский период, вполне довольствовались товарообменом, не делая попыток создать собственные деньги или воспользоваться деньгами других стран.

Шло время. Древние славяне пошли далеко вперед по пути общественного и экономического развития. Постепенно появляются первые племенные объединения восточных славян. Письменные источники VI—VII вв., хоть они чрезвычайно бедны, все же сохранили названия этих объединений, образованных будущих государств на территории нашей страны: Славия, Куябия и Артания. Не за горами было и создание Киевской Руси.

Совсем не случайно процесс становления древнеславянской государственности по времени почти совпал с началом денежного обращения на нынешних украинских землях. Ведь развитие имущественного неравенства между людьми, образование классов, а затем и государства обусловили появление чеканных денег.

В конце VIII в. на территорию Восточной Европы, в

частности на современные украинские земли, хлынул мощный поток арабских серебряных монет — куфических дирхемов (названных так, потому что надписи на них выполнялись стилизованным арабским шрифтом — «куфой»). На тонких, но больших кружках арабских монет нет никаких изображений, как того требует мусульманская религия. Обе их стороны покрыты надписями, где, кроме цитат из корана, приведены имена правителей, годы и места чеканки (табл. VI, 4).

Появление куфических дирхемов в Восточной Европе означало начало подлинного денежного обращения. С того времени монета стала не только материалом для кладов и сырьем для ювелиров, но и начала выполнять свою главную функцию средства купли-продажи. Товарообмен уступает место торговле с помощью чеканных денег.

Читатель, возможно, спросит: почему славяне конца VIII—IX вв. не создали собственной монеты, а пользовались чужой? На это наука дает такой ответ: славяне не имели тогда необходимого сырья, а также прочной государственной власти, которая способствует выпуску монет. Все это пришло намного позже, где-то через двести лет.

Арабские дирхемы появились в Восточной Европе не случайно. Именно в VIII—IX вв. упомянутый выше Арабский халифат переживал свой политический и экономический расцвет. В халифате ежегодно чеканилось значительное количество монет, необходимых для оживленной торговли. Арабские купцы преодолевали большие расстояния, добирались в самые отдаленные страны, скупая различные товары. Они были частыми гостями на рынках многих восточнославянских городов, в частности Киева и Чернигова.

Арабские торговые люди привозили с собой куфические дирхемы, отчеканенные из высокопробного серебра, и платили ими за меха, мед, воск и т. д. На территории современной Украины находят большие клады арабских монет (иногда в пять, семь тысяч экземпляров). Это явля-

ется свидетельством глубокого имущественного неравенства в древнерусском обществе, поскольку накопить такие клады могли только очень богатые люди.

Славянское население не понимало куфических надписей на дирхемах. При купле и продаже учитывались только вес монет и качество серебра. Наши предки хорошо разбирались в этом, и древнерусские письменные источники X—XI вв. донесли до нас разнообразные местные названия арабских монет. В частности, дирхемы, отчеканенные из особо высокопробного серебра, назывались ногатами (от арабского «нагд» — хороший) в отличие от обычных, называемых кунами.

В летописях и других памятниках древнерусской письменности встречается также слово «резана». Нумизматы выяснили, что так называли кусочки дирхемов, которые часто встречаются в восточнославянских кладах. Дело в том, что дирхем был слишком крупной денежной единицей и для покупки какой-либо мелочи не годился. Из положения выходили, разрезая монету на 2, 4, 8 и даже больше частей (табл. VII, 1).

Арабские дирхемы широко употреблялись древнерусским населением до начала XI в., когда их приток в Восточную Европу внезапно прекратился. Ученые пришли к выводу, что в этом сыграли свою роль многие экономические факторы. Чеканка монет в странах Арабского халифата была настолько интенсивной, что где-то в конце X в. богатые залежи серебра на Арабском Востоке и в покоренных арабами странах исчерпались. Пришлось переходить на медные и золотые деньги. Но они были непригодны для вывоза за пределы халифата. Восточные славяне не знали обращения золотых монет и не принимали их, а медная монета тогда использовалась редко и лишь по большому принуждению на внутренних рынках. Ведь в отличие от серебра медь не является благородным металлом. Поэтому медная монета не несет в себе достаточной

стоимости, которую можно обменять на стоимость товара, а является лишь символом, знаком стоимости. Арабские халифы могли принудить принимать медную монету только своих подданных.

Между тем масса куфических дирхемов на славянских рынках была настолько большой, что даже под конец XI в., через пятьдесят лет после прекращения их поступления на Киевскую Русь, они играли заметную роль в торговле. Все же с каждым годом количество дирхемов в денежном обращении уменьшалось. Много монет выпадало в клады и, как прежде, служило сырьем для ювелиров. Кроме того, в процессе обращения дирхемы стирались, постепенно лишались легенд, уменьшались в весе и превращались в гладкие серебряные кружки. В обращении Киевской Руси, следовательно, с каждым годом увеличивалась масса дирхемов, утративших товарный вид и стоимость. Это вызывало нарекания населения, делало возможным различные злоупотребления (подделать неотчетливый кружок намного легче, чем монету с четкими легендами) и поэтому требовало вмешательства государства.

Уже во второй половине X в. правящей верхушке Киевской Руси стало ясно, что в недалеком времени из обращения исчезнут последние арабские монеты. Киевские князья уже давно вынашивали мысль о выпуске собственных денег. Во-первых, это могло принести прибыль, во-вторых, поднимало международный авторитет государства. В 987 г. Владимир Святославич сделал христианство государственной религией Киевской Руси, чтобы укрепить княжескую власть и поставить свою страну в первый ряд государств мира. Решено было с помощью монет разгласить на весь мир о подъеме Киевской Руси.

Дело облегчалось наличием в стране большого количества стертых куфических дирхемов. Они и стали сырьем для создания новой монеты. Выше говорилось о древнерусских златниках и сребрениках. Поэтому добавим лишь, что уже при жизни Ярослава Владимировича (умер

в 1054 г.) чеканку монет пришлось прекратить. По каким причинам?

Прежде всего политическая цель, которую ставили перед собой киевские князья, была достигнута: монеты с именами и изображениями князей Руси стали известны в цивилизованном мире того времени (табл. VII, 2). Свидетельство тому — находки этих монет далеко за пределами древнерусского государства, даже в Скандинавии. Кроме того, сырьевая база (стертые арабские дирхемы) была мала для систематической и крупномасштабной чеканки сребреников. Наконец, практика денежного обращения показала, что сребреники не в состоянии конкурировать с куфическими монетами вследствие не только малочисленности, но и худшего качества металла.

Дело в том, что сырьем — дирхемов — было мало для постоянного выпуска сребреников, и поэтому на Киевском монетном дворе в конце X — начале XI в. вынуждены были добавлять к серебру большое количество меди, в среднем две части на одну часть серебра. Население Руси быстро разобралось в этом и неохотно принимало низкопробные сребреники, отдавая предпочтение высокопробным дирхемам.

Следовательно, чеканка древнерусских монет в экономическом отношении была кратковременным эпизодом и не оказала заметного влияния на денежное обращение Киевской Руси конца X — начала XI в. Однако стоит отметить, что экономическая ситуация была неблагоприятной для создания древнерусской монеты: наступал так называемый «безмонетный период».

В течение XII—XIII вв. на территории нынешней Украины почти не применялись чеканные монеты, за исключением разве что немногочисленных византийских серебряных и золотых монет (табл. VII, 3). Однако византийские золотые (солиды) и серебряные (милиарисии) монеты VII—XIV вв. никогда не играли самостоятельной роли на денежном рынке восточнославянских стран, служа

дополнением к другим средствам денежного обращения. В кладах XII—XIII вв. они встречаются лишь единичными экземплярами, да и то вместе с монетными гривнами — главным средством купли-продажи в те времена.

Монетными гривнами в нумизматике называют слитки серебра разной формы и веса¹. По этим признакам гривны делятся на несколько типов: киевские, новгородские, черниговские, литовские, татарские и др. Остановимся на гривнах тех типов, которые находят на Украине.

Слитки серебра попадались в кладах монет, спрятанных задолго до наступления «безмонетного периода», в IX—X вв., однако тогда они были еще далеки от стандарта как по форме, так и по весу. Гривны установившихся метрологических характеристик появились как раз тогда, когда прекращалось обращение чеканных монет, и это легко понять: гривны приходили на смену монетам и, подобно последним, должны были быть стандартными, иначе это привело бы к большим трудностям в торговле — всякий раз приходилось бы взвешивать каждый слиток.

Первые стандартные серебряные гривны — с этого времени можно называть их монетными — появились в конце XI в. в столице Киевской Руси Киеве. Киевские гривны — это шестиугольные слитки серебра весом в среднем около 160 г (табл. VII, 4). Они были в обращении почти до середины XIII в., вернее, до начала монгольского нашествия на Киевскую Русь (1240 г.). Наука не знает ни одного случая обнаружения киевских гривен в кладах, спрятанных после 1240 г. Встречаются довольно большие клады киевских гривен в 30—50 экземпляров. Как правило, эти гривны находят вместе с золотыми и серебряными украшениями или их обломками, которые выполняли на рынке функции монет наряду с монетными гривнами.

¹ В кладах, находимых на территории Украины, встречаются и золотые гривны. Однако находки этих гривен настолько редки, а форма, размеры и вес настолько различны, что нельзя сказать что-либо конкретное об их роли в денежном обращении.

В обращении южнорусских земель киевские гривны были заменены новгородскими, которые имеют вид палочек из серебра весом 200 г (табл. VIII, 1). Ученые считают, что эти гривны впервые появились в Новгороде, отсюда и их название. В отличие от киевских новгородские гривны встречаются в кладах, как правило, без вещевых примесей. Они удержались в обращении даже тогда, когда на рынке снова появились чеканные монеты. В украинских монетных кладах XIV в. находят и новгородские гривны.

До сих пор остаются загадкой черниговские гривны, названные так по месту одной из находок. Действительное их происхождение неизвестно. Форма черниговских гривен причудлива: как будто киевскую гривну на концах расплющили молотом (табл. VIII, 2). Однако это не испорченные киевские гривны. В отличие от киевских черниговские гривны весят в среднем около 200 г. Возможно, на Киевской Руси черниговские гривны были переходными по типу от киевских к новгородским.

На Украине XIV в. известны находки и так называемых татарских гривен. По весу они мало отличаются от новгородских, но форма у них иная: потолще и похожи на челнок (табл. VIII, 3). Некоторые ученые предполагают, что их отливали татары из награбленного на Руси серебра. Это частично подтверждается тем обстоятельством, что чаще всего такие гривны находят в кладах с татарскими монетами (табл. IX, 1), следовательно, в обществе последних гривен могли прийти на украинские земли из Орды.

Более чем столетнее татарское господство на Южной Руси (40-е годы XIII — 60-е годы XIV в.) тяжело отразилось на ее экономике, разрушило промыслы, ремесло и торговлю. Татарские захватчики оказались не в состоянии организовать не только южнорусский, но и в целом золотоордынский денежный рынок. Чеканка медных и серебряных монет осуществлялась татарскими ханами без экономического расчета и системы, без единых норм в весе

и размере. И хотя татарские монеты появились на южнорусских землях еще в конце XIII в., то есть до окончания «безмонетного периода», они не заняли на рынке заметного положения.

Окончание «безмонетного периода» в южнорусском денежном обращении нумизматы справедливо связывают с появлением так называемых пражских грошей, о которых уже бегло говорилось. Первые пражские гроши появились на рубеже XIII и XIV вв. в столице Чехии Праге, откуда и происходит их название. Достаточно большие для своего времени (средний размер 3 см), изготовленные из серебра высокой пробы, они весили в среднем 3,7 г и выгодно отличались от других восточноевропейских монет того времени (табл. IX, 2). В XIII в. на рынках почти всех стран Западной и Центральной Европы господствовали брактеаты — тонкие, словно лепестки, монеты, весившие десятые доли грамма. Они быстро ломались и были непригодны для вывоза за границу. Недаром, в отличие от брактеатов, новые чешские монеты названы грошами (от латинского слова *grossus* — большой).

Новые чешские монеты триумфально прошли по торговым путям почти всех стран Центральной и Восточной Европы и завоевали ведущее положение на их денежных рынках. Не составили исключения и украинские земли. Через более чем двести лет после исчезновения из южнорусского обращения арабского дирхема на Украину пришла монета, появление которой означало окончание «безмонетного периода».

Пражские гроши быстро овладели денежным рынком Украины и преобладали здесь над другими монетами вплоть до начала XVI в. Эти высокопробные, красивые и качественно выполненные монеты встречались в обращении не только в XVI, но и XVII в., поскольку их находят в украинских кладах того времени. В многочисленных письменных источниках XIV—XVI вв. не раз упоминаются авторитетные среди населения пражские гроши. Напри-

мер, в купчих грамотах часто ставится условие выплатить сумму в «доброй чешской монете», то есть пражскими грошами.

Но не следует думать, что пражские гроши были единственными монетами украинского денежного рынка XIV—XV вв. Вместе с ними в операциях купли-продажи употреблялись и другие, в частности местные, монеты, о которых уже говорилось в предыдущих разделах.

Господство пражских грошей на рынках восточноевропейских стран серьезно беспокоило их правителей. В 1338 г. в Польше приступили к производству новых монет — так называемых краковских грошей (табл. IX, 3). Согласно замыслу финансового ведомства короля Казимира III краковские гроши должны были конкурировать с пражскими, по крайней мере в Польше. Однако для этого не было достаточной сырьевой базы и соответствующих экономических возможностей. Краковские гроши выпустили в весьма скромном количестве, да еще из худшего, чем в пражских грошах, серебра. Поэтому краковские гроши не могли конкурировать с пражскими. Тем не менее выпуск небольшой партии краковских грошей обогатил ополчение польское правительство и придал ему смелости. Вскоре в обращение внедрились так называемые средние гроши, или полугроши, которые на 200 лет задержались на рынке Польского королевства и хотя не вытеснили пражские гроши, но наряду с ними наиболее широко применялись населением. Начиная с XV в. это касается и западноукраинских земель.

Почти одновременно с появлением польских полугрошей началось производство монет на Львовском монетном дворе (табл. IX, 4, 5). В 1349 г. Галицкая Русь была захвачена польскими феодалами. Сопrotивление ее населения польскому господству было так велико, что правительство Казимира III предоставило Галицкой Руси положение автономной земли. Поэтому-то на нее и не распространялся закон, по которому на землях Польского коро-

левства все должны были пользоваться единой польской монетой.

Выпуск отдельной монеты для Галицкой Руси не следует рассматривать как заботу польских феодалов о западноукраинских землях. Собственной монеты требовало развитие галицкой экономики, рост ремесел, подъем городов, ведение галицкими купцами международной торговли. На обширном пространстве Юго-Восточной Европы, в современных Молдавии и Румынии, на Подолье, не говоря уже о Галичине и Волыни, галицкие серебряные монеты играли роль международных денег и какое-то время преобладали даже над пражскими грошами, о чем свидетельствует содержимое кладов. Например, в найденном в Молдавии кладе (Кугурешты), спрятанном в 20-х годах XV в., галицких монет насчитывалось в четыре раза больше, чем чешских.

Несмотря на то что галицкие монеты были главными платежными средствами западноукраинского рынка XIV—XV вв., в кладах самой Галицкой Руси они встречаются сравнительно редко. Можно предположить, что правительство польского короля Владислава Ягайла, покончив с галицкой автономией, запретило курсирование этих монет и выкупило их у населения на польские гроши. Во Львовском республиканском историческом музее сохраняется полная коллекция галицких монет XIV—XV вв., которая дает возможность изучить эти важные нумизматические памятники.

Как известно, в 60-х годах XIV в. Киевщина, Черниговщина и Подолье подпали под власть Великого княжества Литовского. Еще раньше Галицкую Русь захватили польские, а Волынь — литовские феодалы. В течение нескольких столетий украинские земли несли гнет иноземного господства. Именно в этом следует усмотреть одну из главных причин того, что многочисленные попытки чеканки монет на Украине в период феодализма оканчивались неудачей.

В отличие от галицких, выпущенные Владимиром Ольгердовичем в XIV в. киевские монеты не оказывали заметного влияния на денежное обращение Киевской земли, не говоря уже о соседних землях. Как уже знает читатель, князь Владимир выпускал эти монеты не с целью прибыли, а для провозглашения независимости как от татар, так и от Великого княжества Литовского, что ему в конце концов стоило княжеского престола: в 1394 г. великий литовский князь Витовт изгнал его из Киева и посадил там покорного князя Скиргайла.

Каждый тип своих монет (их насчитывают шесть) Владимир Ольгердович выпускал небольшими партиями, но в течение длительного времени, чтобы мир не забывал, что Киев имеет независимого властителя. Следовательно, бесполезно рассматривать роль этих монет в украинском денежном обращении второй половины XIV в.

Галицкие, а тем более киевские монеты XIV в. не удержались на украинском денежном рынке. И затем в течение столетий население украинских земель было вынуждено пользоваться монетами иноземного, прежде всего польского, происхождения.

Пражские гроши были наиболее распространенными монетами на Украине в XV в. Наряду с ними курсировали польские полугроши (табл. IX, б), небольшое количество галицких монет, а также литовские и татарские (табл. X, 1, 2). Правда, литовские денарии встречаются в кладах этого времени редко, а район обращения татарских дирхемов в XV в. сузился до территории Крыма и Юга Украины.

С начала XVI в. польские и литовские монетные дворы резко увеличивают производство монет, главным образом полугрошей и грошей. Объединение в 1569 г. Польского королевства и Великого княжества Литовского в единое государство — Речь Посполитую дало новую возможность увеличить выпуск монет. Серебряные монеты Речи Посполитой — как польские, так и литовские (то есть отчеканенные монетными дворами, расположенными соот-

ветственно на территории Польши и Литвы) — надолго завоевывают украинский рынок и преобладают здесь над монетами других стран до середины XVIII в.

До сих пор говорилось только о серебряных монетах. Золото же, как отмечалось, никогда не было главным монетным металлом, и монеты из него никогда не преобладали в обращении над серебряными или медными. Если главной функцией серебряных монет было применение их в операциях купли-продажи, то золотые главным образом служили для накопления богатства. В письменных источниках периода средневековья находим упоминания о сокровищницах крупных феодалов, где хранились десятки и даже сотни тысяч золотых монет. Конечно, золотые монеты имели определенное применение и на рынке, однако ими, как правило, рассчитывались между собой крупные феодалы.

Первыми золотыми монетами украинского денежного рынка следует считать византийские солиды, единичные находки которых известны уже с VII—VIII вв. По их образцу Владимир Святославич в конце X в. выпустил небольшую партию так называемых златников, по они были его визитной карточкой, а не монетами для обращения (табл. X, 3). Византийские солиды находят и в кладах IX—XII вв., однако эти монеты приходили на современную территорию Украины в небольшом количестве и не могли играть значительную роль в денежном обращении.

Более распространенными становятся золотые монеты на Украине с XIV в., по окончании «безмонетного периода». В письменных источниках второй половины XIV — начала XV в., например, в актовых книгах Львова, Перемышля и других галицких городов, упоминаются флорины и дукаты. Это были высокопробные золотые монеты стандартного веса (в среднем 3,5 г). Впервые флорины выпустили в 1252 г. в итальянском городе Флоренции. Название происходит от изображения на монете цветка лилии, которая была гербом этого города. Вскоре затем золотые

монеты, сходные с флоринами, начал выпускать другой итальянский город — Венеция. В 1284 г. здесь отчеканили первые дукаты (названы так по последнему слову легенды *ducatus*, что означает на поздней латыни «герцогство»).

Золотые монеты итальянского происхождения не часто встречаются в украинских кладах XIV—XV вв., вместо них на Украине этого периода употреблялись флорины, отчеканенные в Венгрии. Поскольку вес и качество золота дукатов и флоринов, независимо от времени и места их выпуска, были примерно одинаковыми, эти монеты свободно преодолевали государственные границы (табл. X, 4).

Подлинная революция в европейском монетном деле началась в XVI в. Если до сих пор абсолютное большинство стран обходилось монетами двух-трех номиналов (например, на украинских землях, входивших в состав Польского государства, в XIV—XV вв. знали только гроши, полугроши и совсем мелкие разменные монеты — денарии), то с XVI в. монетные дворы Европы выбрасывают на рынок большие массы монет различных номиналов. Во второй половине XVI — начале XVII в. украинский денежный рынок пополняется талерами, полуталерами, четвертьталерами, левками, марками, ортами, шести-, трех- и полуторагрошевиками, солидами и др.

Денежное обращение Украины XVII в. чрезвычайно сложно по сравнению с предыдущими периодами. На страницах письменных источников этого времени историки сталкиваются с множеством наименований денежных единиц и с разными системами денежного счета.

Наиболее авторитетными деньгами на украинском рынке XVII в. были упомянутые выше талеры — большие серебряные монеты весом чуть меньше 30 г и диаметром в среднем 40 мм. Впервые талеры были отчеканены в городе Иоахимстале (Богемия) в 1518 г., откуда и произошло их название «*Joachimsthaler Münze*». Во многих странах Европы, в частности на Украине, эти монеты были известны под названием талеров. В России, наоборот, взяли за осно-

ву не вторую, а первую часть слова и называли их ефимками (табл. X, 5).

Талерами рассчитывались между собой князья и крупные помещики, платили выкупы знатные пленники во время нескончаемых феодальных войн, в талерах давали приданое за богатыми невестами. Казацкий историк Самовил Величко, летопись которого мы еще будем упоминать¹, рассказывает, что после битвы под Желтыми Водами в 1648 г. между казаками и польским войском захваченные в плен польские паны пообещали казачеству богатый выкуп: «Многим из них по две, по три, по четыре тысячи талеров битых». Эпитет «битый» указывает, что речь идет об отчеканенном талере, то есть реальной монете (аналогично возник русский термин «целковый» — рубль). Ниже мы расскажем об использовании талера как счетной единицы.

Охотно копили талеры польские и украинские феодалы. Например, украинский гетман Самойлович, как рассказывает Величко, имел 22 855 «талеров битых». Для конца XVII в. это была не такая уж большая сумма. Летописец даже удивляется ее скромности и намекает на то, что, возможно, часть талеров разворовали при обыске слуги Мазепы, ставшего после Самойловича гетманом.

В многочисленных украинских монетных кладках XVII в. талеры встречаются очень часто. По данным кладового материала, широкое обращение этих монет начинается с первого десятилетия XVII в., когда по украинским землям распространились талеры Голландской республики и талеры Нидерландов под властью Испании (точное название первых — риксдальдеры, вторых — патагоны, но мы везде для удобства пользуемся собирательным термином «талер»). Любопытно, что подлинные испанские та-

¹ Полное название этого выдающегося произведения таково: «Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самовил Величко, бывший канцелярист Войска Запорожского. 1720». Части I—IV. К., 1848—1864.

леры (монеты стоимостью в 8 реалов) находят на Украине довольно редко (табл. XI, 1). Нам доводилось только в трех-четырёх случаях встречаться с испанскими талерами, причем они всегда обрезаны. В актовом книге Кременецкого городского суда за 1575 г. мы натолкнулись на интересную запись: «Дал ми Енос таляр ишпанский обрезанный». Монеты обрезаны потому, что они были легче других талеров, следовательно, их уравнивали в весе с половиной талера.

После голландских и нидерландских талеров чаще всего встречаются на Украине талеры Брауншвейга, Саксонии, а также Германской империи (городов Кампена, Любека, Кельна, Аугсбурга). Среди талеров других стран следует отметить швейцарские (в основном кантона Сен-Галлен). Польские же талеры — нечастые гости в украинских кладках. Это и не удивительно, ведь Речь Посполитая с ее всегда стесненным финансовым положением не могла систематически и в значительном количестве выпускать такие большие высокопробные монеты, отдавая предпочтение мелким и низкопробным.

Стоимость талера на рынке непрерывно увеличивалась, поскольку более мелкие монеты становились легче, а их серебро — хуже. Талеры же в течение XVI — XVII вв. и частично XVIII в. оставались почти неизменными как по весу, так и по стоимости металла. Недаром на рынке эти монеты охотно принимали и в XVI, и в XVII в. Если в 1528 г. талер оценивался в 30 грошей, то через 100 лет — в 90 грошей. Вот как испортился польский грош за это время!

Понятно, что в XVII в., когда мелкие деньги непрерывно падали в цене, должен был быть какой-то постоянный эквивалент денежной стоимости, с которым сравнивали бы другие монеты. Таким эквивалентом неминуемо должен был стать талер, поскольку, кроме него, не было другой серебряной монеты, которая в течение столетий сохраняла бы неизменной высокую пробу металла и постоянный

вес. Так талер стал счетной единицей. На талеры пересчитывали различные мелкие монеты. В письменных источниках часто встречаются записи наподобие такой: долг составлял «талеров сто доброй монеты, чехами» (полуторагрошевики.— *Н. К.*). Эту запись мы взяли из «Протокола до записования справ поточных» Стародубского магистрата за 1690 г., и понимать ее нужно так: чехи составляли сумму, равную по денежному курсу того времени ста талерам.

Наряду с талерами в актовых книгах, купчих и закладных документах, в казацких летописях, переписке и других письменных источниках XVII в. упоминается еще один тип больших серебряных монет — левы. Величко рассказывает, что в 1648 г. крымский хан преподнес Богдану Хмельницкому подарки немалой стоимости: «Все тогдаж шацовано (оценено.— *Н. К.*) на три, албо и чтыри тысячи левов». Левы часто упоминаются в украинских письменных источниках XVII—XVIII вв. Долгое время нумизматы спорили о том, какую конкретную монету украинского рынка называли левом в актах XVII — XVIII вв. В 1929 г. нумизмат-любитель А. Ершов попытался доказать, будто под названием левов, или левков, на украинских землях тех времен знали турецкие левы, то есть пиастры, которые, по его мнению, попадали на Украину из Крыма. А. Ершова не тревожили указания некоторых нумизматов, что турецкие пиастры не обнаруживают в украинскихкладах XVII—XVIII вв. Между тем это обстоятельство говорит не в пользу гипотезы А. Ершова.

Автору этой книги довелось познакомиться с описанием почти всех украинских кладов того времени. Обнаружилось, что на приблизительно полторы тысячи кладов XVII — первой половины XVIII в. на Украине зарегистрировано лишь один-два случая находок турецких пиастров. А это значит, что их не было и на тогдашнем украинском рынке.

Чем же на самом деле являлись левы украинских

письменных источников XVII—XVIII вв.? В «Актах Нежинского греческого братства» мы натолкнулись на термин «левковый талер», откуда нетрудно сделать вывод, что лев являлся какой-то разновидностью талера. Так оно и было в действительности. На украинских землях в XVII—XVIII вв. левами, или левками, называли левендальдеры — большие серебряные монеты с изображением льва, откуда и происходит их наименование (табл. XI, 2). Левендальдеры внешне напоминали талеры, однако были намного легче и, главное, чеканились из худшего серебра, поэтому и стоимость левков на рынке была ниже стоимости настоящих талеров. Например, в 1663 г. на Черниговщине талер стоил 60 копеек русскими деньгами, а левок — только пятьдесят. В кладах Украины преимущественно встречаются левендальдеры, отчеканенные в Нидерландах. Монеты же выпуска Германской империи менее распространены. Вообще левендальдеры чеканились во многих странах Западной Европы, но на Украину они попадали в основном с юга, через Молдавию и Валахию.

Большие серебряные монеты, талеры и левы, были одними из самых популярных денежных единиц украинского обращения XVII в. Но рядом с ними выступают червонные золотые, или дукаты. Обычно источники XVII в. не отмечают, каким государством были выпущены употребляемые червонные золотые, поскольку на украинском рынке, как и на рынках других стран, дукаты принимали не по государственной принадлежности, а по весу и пробе металла. Поскольку дукаты разных стран в XVII в. сохраняли приблизительно одинаковый вес (3,5 г) и пробу металла (около 938), они на рынке не различались (табл. XI, 3). Правда, в данном Величко описании сокровищницы полковника Палия сказано: «Дукатов Венгерских пятьдесят и еден, Венецких сто тридцетъ сем, а остаток рожних», но это легко объяснить — в сокровищнице полковника монеты были тщательно рассортированы, что не могло произойти на рынке.

Кроме обычных одинарных дукатов, чеканились монеты с весом в 2, 3, 5, 10 раз большим, чем стандартные. В сокровищнице того же Палия, как рассказывает Величко, в одной посуде содержалось «дукатов подвойных пятьдесят сем», в другой — «дукатов подвойных пятьдесят осемь, а великих дукатов (з которых в каждом по пяти червоних) пять, а поодиноких семнадцать». Большие дукаты служили прежде всего для накопления сокровищ. Была у них еще одна функция: поскольку в XVII и частично XVIII в. на Украине не знали таких наград, как ордена и медали, дукатами большого размера и веса награждали за заслуги. Например, в журнале гетманской войсковой канцелярии 1722 г. записано, что русский царь наградил украинского гетмана «червоным золотым вагою в 25 червонных». На свадьбах в среде казацкой старшины невесту обычно одаривали дукатом, весившим 5—10 червонных золотых, то есть 18—35 г. Понятно, что такой дукат на рынок не понесешь.

В разные десятилетия и даже в отдельные годы XVII в. цена червонного золотого колебалась, однако сохранялось стойкое соотношение между ним и талером: один дукат приблизительно равнялся двум талерам. Подобный курс этих монет сохранился на протяжении почти всего XVIII в.

Многолетнее изучение украинских кладов XVI — начала XVIII в. убедило автора в том, что среди червонных золотых тогдашнего украинского рынка преобладали дукаты чеканки Голландской республики и Испанских Нидерландов, затем шли венгерские, немецкие и итальянские дукаты. Польские золотые монеты почти не встречаются в украинских кладах, поскольку в Речи Посполитой чеканка дукатов всегда осуществлялась в довольно скромных размерах.

Обычно талеры, левки и червонные золотые не принимали участия в мелких операциях купли-продажи. Повседневными средствами обращения украинского рынка кон-

да XVI, XVII и частично XVIII в. были более мелкие монеты.

Ассортимент монет украинского рынка конца XVI — начала XVIII в. чрезвычайно велик и разнообразен, поэтому нет возможности подробно рассказать о всех платежных единицах, которыми тогда пользовался украинский народ. Остановимся лишь на наиболее типичных монетах.

Украинский летописец Величко рассказывает, что Петр I «после баталии Полтавской зо Шведом монету старовечную Полскую зо всей Малой России, то есть левы, орлянки, чертки, полталярки, орты, тимфы, पोстаки, шаги, чехи, осмаки и лядский зо всей Малой России вывел и выгубил» (речь идет о денежных реформах правительства Петра I).

Величко назвал самые распространенные монеты украинского рынка XVII — начала XVIII в. На сегодня в приведенном летописцем перечне монет ученым понятны почти все денежные единицы. О левых говорилось выше. «Чертки» и «полталярки» — монеты соответственно в $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ талера (табл. XI, 4; табл. XII, 1). Ортами называли монеты стоимостью в 18 грошей, которые выпускались во многих странах Западной Европы. На Украине наибольшее распространение получили польские и бранденбургские орты (табл. XII, 2).

В Речи Посполитой в 1663 г. появились монеты официальной стоимостью в 30 грошей, однако по содержанию серебра они едва стоили 18 грошей (табл. XII, 3). Новую монету назвали тимфом по имени инициатора ее выпуска — руководителя Краковского монетного двора Андрея Тимфа. Чеканка большой массы по сути кредитных тридцатигрошевиков — тимфов — привела к установлению фактического курса этих монет, который был намного ниже официального, а это отрицательно повлияло на денежное обращение польского государства в целом, в том числе и украинских земель. Тимфы постепенно вытеснили из обращения другие серебряные монеты и в конце XVII в.

стали главным средством купли-продажи на Украине.

Шостаками называли монеты стоимостью в 6 грошей (табл. XIII, 1). В украинских кладах находят шостаки почти исключительно польской и литовской чеканки. Чехи — полуторагрошевики, или, как называли их в Германии, дрейпелькеры (табл. XIII, 2). Это были наиболее распространенные монеты в Западной и Центральной Европе XVII в. На украинских землях и до сих пор находят клады из одних только полуторагрошевиков. Часто эти клады весят три—пять килограммов и содержат несколько тысяч монет, прежде всего польских, а также отчеканенных шведами для захваченных ими прибалтийских земель.

До сих пор нумизматы не пришли к единому мнению относительно реального содержания и стоимости орлянок, шагов, осьмаков и лядских. Нам кажется, что орлянками могли называть гульдены или флорины с изображением орла, они немного легче талера и стоимость их приблизительно на треть меньше стоимости талера. На табл. XIII показан голландский флорин города Девентера 1617 г. (имперская чеканка), который соответствует описанию Величко и других источников XVII—XVIII вв. Гульдены и флорины широко распространены в украинских кладах этого времени.

На материале счетных книг белорусского города Могилева конца XVII в. нам удалось установить, что осьмаком называли польский грош (табл. XIII, 4). 8 польских грошей соответствовали 6 литовским грошам (которые ценились дороже польских благодаря большому содержанию серебра) или реальной монете — литовскому шостаку, откуда и происходит данный термин. Осьмаками именовали польские гроши на довольно большой части Украины, особенно на Черниговщине, которая прежде (так же, как и Могилевщина) входила в состав Великого княжества Литовского.

Неясно до сих пор, существовала ли реальная монета, соответствовавшая термину «лядский». Мы разделяем мнение некоторых нумизматов, полагающих, что Величко применил это слово как эпитет к термину «осмаки». Зато термин «шаг» полностью на сегодня понятен. Он неоднократно встречается на страницах украинских источников XVIII в. Нумизматы уже давно обратили внимание на то, что в украинских письменных памятниках Левобережья XVIII в. не упоминается монета стоимостью в 3 гроша — тройной грош, или трояк, как его называли в Речи Посполитой (табл. XIII, 5). Между тем эта монета весьма распространена в левобережных кладах того времени. Наоборот, в актовом материале Правобережья термин «тройной грош» («трояк») встречается довольно часто, зато термин «шаг» там не обнаружен. Логично предположить, что шаг Левобережья соответствует тройному грошу Правобережья. В этом убеждаемся, сравнивая стоимость обеих монет: по свидетельствам письменных источников, и та, и другая стоили русскими деньгами 2 копейки. С 1750 г. в России даже начали выпускать монету под названием «шаг» стоимостью в 2 копейки. Скорее всего, ее предназначали для Украины, население которой привыкло к польским шагам.

Разнообразный набор монет украинского рынка требовал каких-то эквивалентных счетных единиц. Пользуясь ими, можно было приравнивать одни монеты к другим.

Главными счетными единицами на Украине конца XVI — начала XVIII в. были копа и золотой. На копу шло 60 монет, на золотой — 30. Любопытно происхождение последнего термина. К середине XV в. золотые монеты, дукаты или флорины, которые в начале века стоили немногим больше 20 грошей, уже оценивались в 30 грошей, то есть половину копы. С тех пор сумму в 30 грошей называют золотым, а настоящие золотые монеты, дукаты или флорины, именуют червоными золотыми. Конечно, цены на золотые монеты и впоследствии продолжали возрастать. Например, в середине XVII в. дукаты оценивались в 180—

200 грошей. Но золотой как счетная единица в 30 грошей закрепился в украинском монетном счете на долгое время. Им пользовались, как свидетельствуют наблюдения этнографов, вплоть до начала нашего столетия. Обычно на копы считали литовские, а на золотые — польские гроши, но бывали исключения.

Монеты украинского денежного рынка XVII — начала XVIII в. делились современниками не только на крупные и мелкие, но и на хорошие и плохие. В Речи Посполитой в середине XVII в. резко ухудшилось качество монет. Польские монеты второй половины XVII — начала XVIII в. были плохими даже по сравнению с современными им западноевропейскими монетами, в серебре которых тоже содержалась большая примесь меди и олова. Зато в первой половине XVII в. монеты Речи Посполитой изготавливались на средневропейском качественном уровне, содержали меньше лигатуры и больше серебра.

Порча монеты в Речи Посполитой, прогрессирующая в течение всей второй половины XVII и начала XVIII в., привела к тому, что из обращения исчезли талеры, полу- и четвертьталеры, левки, орты, шестигрошевики, резко уменьшилось количество мелких монет, выпущенных в первой половине XVII в. Господствующее положение на рынке заняли тиффы и медные солиды, или шеляги, короля Яна Казимира (1649—1668) — и те, и другие с принудительным курсом (табл. XIV, 1а, 1б). Сказанное полностью относится не только к Правобережью, но и к воссоединенному с Россией Левобережью, население которого во второй половине XVII в. еще продолжало пользоваться западноевропейской, главным образом польской, монетой, просачивавшейся через государственные и таможенные границы.

Из финансовых документов второй половины XVII в. видим, что старые, хорошие деньги стоили на рынке намного дороже новых, плохих. Например, под 1667 г. в счетах львовского Онуфриевского братства записано, что 4

золотых на «старие гроше» продали за 8 золотых и 5 грошей новой монетой. В конце XVII в. талер стоил 7 золотых старой монетой и 14 — новой.

Хорошими деньгами на Украине конца XVII — начала XVIII в. считали едва не все, даже мелкие, монеты первой половины XVII в. Так, в реестре сокровищницы львовской Ставропигии под 1690 г. находим упоминание про «один ворок з пултораками доброю монетою», а из Овруцкой судебной книги под 1687 г. узнаем, что старый полуторагрошевик равнялся новому трехгрошевику, то есть шагу.

Хаотическое состояние украинского денежного рынка второй половины XVII в. беспокоило русское правительство, которое прилагало усилия для исправления положения. Постепенно западноевропейские монеты вытесняются из обращения русскими. Вначале этот процесс проходил очень медленно. Попытка царя Алексея Михайловича создать общие для России и Украины большие серебряные монеты окончилась неудачей. Дело изменилось в лучшую сторону в царствование Петра I. Его правительство понимало, что русская монетная система с одним только номиналом — крошечной серебряной копеей — устарела по сравнению с монетными системами большинства западноевропейских стран и именно потому ее не удастся ввести на Украине.

И вот появились большие серебряные монеты — рубли, полтинники (50 копеек), полуполтинники, а также серебряные монеты среднего размера — гривенники и пятаки. Одновременно Петр I начал чеканку медных денег, но при этом позаботился о том, чтобы стоимость металла серебряной монеты соответствовала стоимости металла медной того же номинала (разумеется, это можно было осуществить лишь применительно к мелким, разменным монетам). Поэтому, например, медная копейка Петра I во много раз тяжелее серебряной. (Монеты Петра I см. на табл. XIV—XVI).

Созданная Петром I русская монетная система была

логична и удобна. В основу ее был положен десятичный принцип, что выгодно отличало ее от монетных систем большинства западноевропейских государств, которые строились по двенадцатикратному принципу (талер делился на $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$, $\frac{1}{48}$ и т. д. вплоть до $\frac{1}{360}$ части, что делало денежный счет чрезвычайно сложным). Все это позволило русскому правительству в начале XVIII в. перейти в решительное наступление на западноевропейскую монету украинского рынка.

Мы уже приводили свидетельство Величко об изменениях в денежном обращении Правобережья. Летописец несколько преувеличил темпы вытеснения на Украине иноземной монеты русской, но тенденцию эту он заметил своевременно. В действительности исчезновение иноземной монеты с украинских земель началось в середине 30-х годов XVIII в., да и то на Левобережье. Исследования автора этих строк показали, что русская монета завоевывает господствующее положение на украинском рынке приблизительно между 1735 и 1740 г.

Почему же русское правительство стремилось заменить иноземную монету русской? Причина была прежде всего политической. На территории Российской империи, в которую вошло Левобережье Украины, все должны были пользоваться единой русской монетой. Однако существовали и экономические факторы. Различные монетные системы затрудняли торговые связи между Украиной и Россией. Да и сами западноевропейские монеты с каждым годом ухудшались: уменьшались в весе, проба их металла снижалась. Разменную монету можно было только формально считать серебряной, поскольку в полуторагрошевиках, грошах и солидах содержалось лишь 10—12% серебра. На рынке мелкие монеты одного номинала, например солиды, отсчитывавшиеся сотнями и тысячами, обычно ценились одинаково, тогда как в разных странах их качество, а потому и реальная стоимость были различными. Это делало возможным всяческие злоупотребления, спекуляции и да-

же прямое фальсифицирование монеты, приносящее прибыли феодалам, ростовщикам, купцам и ложившиеся тяжким бременем на плечи трудового народа.

Показательно, что в описываемый период фальсифицирование монет носило даже официальный характер. Например, на Сучавском монетном дворе в Молдавии в широких масштабах подделывались солиды, которые правительство Швеции чеканило в Риге с 20-х годов до конца XVII в. Эти монеты привлекли внимание молдавского правительства, поскольку они были широко распространены в самой Молдавии и на соседних с нею землях, в том числе украинских. «Шведские» монеты сучавского производства были хуже подлинных, что приносило молдавским феодалам большие прибыли.

Пример крупных мошенников — феодалов — наследовали малые. Расплодилось огромное число фальшивомонетчиков. В судах Речи Посполитой, в частности на ее украинских территориях, рассматриваются многочисленные дела, связанные с фальсифицированием монет. Несмотря на то что за подделку монет полагалась смертная казнь, количество фальшивых монет на украинском рынке непрерывно увеличивалось и к началу XVIII в. достигло угрожающих размеров. Население отказывалось принимать мелкие монеты, сохраняя доверие только к большим, главным образом к талерам, подделывать которые оказалось очень трудно.

Обращение западноевропейских монет на украинском рынке вплоть до начала XVIII в. было стихийным, поскольку никем не регулировалось. Масса монет, употреблявшаяся на нем в разные годы, была различной, что приводило к резким колебаниям стоимости монет, сменам их курса, частым инфляциям (падение стоимости), а это также сказывалось на жизненном уровне трудового люда.

Введение русской монеты на Левобережье Украины было в целом положительным явлением. Правительство империи бдительно контролировало денежный рынок, благо-

даря чему в обращении находились только русские монеты. Прежде о таком контроле не могло быть и речи, поскольку масса самых разнообразных монет украинского обращения не поддавалась учету.

На Правобережье Украины, которое до конца XVII в. оставалось под властью Польши, продолжали употреблять западноевропейские монеты со всеми присущими их обращению недостатками. Дело было ухудшено еще и тем, что со времен короля Яна Казимира (умер в 1668 г.) польское денежное хозяйство не могло выбраться из тяжелого кризиса. Монеты Речи Посполитой XVIII в., как и второй половины XVII в., оставались худшими даже по сравнению с низкопробными монетами других европейских стран. Воссоединение Правобережья с Левобережьем в 1793—1795 гг. положило конец анархии денежного рынка первого, распространив на него обращение русских монет.

Начиная с царствования Петра I русская монетная система стабилизировалась. Его преемники выпускали серебряные монеты номиналами в рубль, полтинник, полуполтинник, гривенник и пятак, а также медные номиналом от пятака до копейки. Со времени Петра I в России чеканят также золотые монеты, в основном червонцы и полчервонцы.

С небольшими изменениями такая монетная система просуществовала до Великой Октябрьской социалистической революции. Ее десятичный принцип и часть номиналов были использованы при создании советской монетной системы.

МОНЕТЫ, ДО СИХ ПОР ЕЩЕ НЕ НАЙДЕННЫЕ

...На одной стороне мечь, а на другой стороне ево, Богданово, имя.

Автор опасается, как бы у читателя не сложилось впечатление, будто в нумизматике все уже открыто и для ученых не существует больше тайн. Как и в каждой нау-

ке, в нумизматике есть нерешенные вопросы, что делает ее еще более привлекательной: ведь остается поле деятельности для будущих исследователей.

Клады ищут не только доверчивые простаки наподобие упомянутого нами Бонавентуры из пьесы Карпенко-Карого «Сто тысяч». Это делают и серьезные ученые. Правда, их интересуют не ценные дукаты и флорины, а до сих пор не найденные монеты, независимо от того, из какого металла они выполнены.

Кому не известен литературный памятник «Слово о полку Игореве»? В нем поэтично рассказано о походе новгород-сиверского князя Игоря на половцев в 1185 г. В тексте произведения немало непонятного для современного исследователя. В частности, внимание нумизматов привлекли такие слова: «Се бо готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня рускым златом», то есть «Готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом».

Многочисленные комментаторы этого отрывка поясняли его таким образом. Победу половцев над Игорем в битве на реке Каяле праздновали вместе с ними и их союзники, готские племена. Но нас интересует другое. Из сказанного ясно, что готские девы звенели золотыми монетами, ведь звенеть могут только монеты, состоящие из напизанных на бечевке монет. Такое «русское золото» не могло быть какими-то украшениями, сделанными из золота русского происхождения, поскольку в Древней Руси не существовало месторождения или рудника, где бы добывали этот металл. Наоборот, сережки, перстни и другие украшения русские ювелиры делали из чужеземного золота, главным образом из монет.

В конце XII в. золотых монет местного происхождения, как уже знает читатель, не было в обращении Древней Руси. До той поры единственными русскими золотыми монетами были златники Владимира Святославича, но, как свидетельствует содержание кладов, они были чрезвы-

чайно немногочисленными: во всех музейных коллекциях нашей страны не насчитывается и десяти златников. Понятно, что о распространенности этих монет на Руси, тем более о их выходе за ее пределы, не могло быть и речи. И в экономическом отношении эти монеты конца X в. были эпизодическим явлением. Они исчезли из употребления не позднее середины XI в. и ни в коем случае не могли дожить до конца XII в.

Какие именно монеты имел в виду автор «Слова», упоминая «русское золото»? Этого пока что мы не знаем. В XII в. не существовало производства золотых монет ни в одном из древнерусских княжеств, ведь до сих пор на территории нашей страны соответствующие монеты не найдены. Вероятно, автор «Слова» был не вполне сведущ в деньгах и принял византийские солиды за русские золотые монеты. А что если он не ошибся и в XII в. на Руси существовал неизвестный современным исследователям центр чеканки золотых монет? Пока нумизматическая наука не может дать ответ на этот вопрос.

В 1873 г. были открыты первые монеты Владимира Ольгердовича, что вызвало немалое оживление среди исследователей средневековой нумизматики. Они рассуждали так: если Владимир выпускал собственные монеты, будучи зависимым от великого князя литовского, то почему бы не делать этого другим удельным князьям украинских земель, захваченных Литвой? Вероятно, чеканка местных монет осуществлялась с позволения великих князей литовских. К такому выводу пришли нумизматы после ознакомления с монетами Владимира Ольгердовича.

Вскоре появились сообщения о находке монет другого украинского князя, также литовца по происхождению, Дмитрия-Корибута Ольгердовича, с надписью «Корибутово». Он правил в Чернигове во второй половине XIV в. Однако история этих монет до сих пор не ясна. Известно, кажется, только два экземпляра таких монет, к тому

же они не были обнаружены в кладах, а куплены у торговцев монетами.

Подлинность сомнительной монеты может быть подтверждена лишь тогда, когда она обнаружена в кладе своего времени. В других случаях к монетам, подобным «Корибутовым», необходимо относиться с большой осторожностью. Часть нумизматов, в их числе и автор этих строк, склоняется к мысли, что так называемые монеты Дмитрия-Корибута Ольгердовича фальшивые, точнее, антикварные подделки, и появились на свет в то время, когда резко возрос интерес к украинским монетам Владимира Ольгердовича, то есть после 1873 г. Находка хотя бы одной такой монеты в кладах конца XIV—XV в. полностью сняла бы все сомнения относительно ее подлинности. Понятно, какое большое значение имела бы подобная находка.

Длительное время в науке господствовало мнение, будто вместе с монетами Владимира Ольгердовича в ряде случаев находили и монеты Романа Михайловича, который княжил на Черниговщине где-то в конце XIV в. Полагали, что на этих монетах написано «Романино» (то есть они принадлежат Роману).

Однако последние исследования показали, что на самом деле монет князя Романа никогда не существовало; за такие исследователи принимали один из типов монет Владимира Ольгердовича (см. табл. XVI, 2, где рядом показаны монета Владимира и монета, приписываемая Роману). Как говорилось, монеты Владимира сделаны примитивно и небрежно, их легенды едва читаются, к тому же резчики штемпелей киевских монет XIV в. были неграмотными, вследствие чего вместо связной надписи резали на штемпеле поразительные комбинации из букв имени своего князя. Вот некоторые из таких комбинаций и привял за слово «Романино» исследователь, которому очень хотелось открыть неизвестные науке монеты.

Нам довелось познакомиться в коллекции Государственного Эрмитажа со всеми тремя монетами, которые

прежде приписывались Роману. Выяснилось, что в действительности на них написано: 1) NOMLPNHN, 2) OWHN, 3) BPO. NHN. Такие легенды типичны для монет Владимира Ольгердовича. Вот так удалось точно установить, что монеты черниговского князя Романа конца XIV в. никогда не чеканились.

И галицкие и киевские монеты второй половины XIV в. трудно назвать полностью украинскими, ведь они употреблялись на захваченных Польским королевством и Великим княжеством Литовским украинских землях, и хотя в экономическом (а киевские и в типологическом) отношении были явлением оригинальным, на их создание так или иначе повлияло польское и литовское монетное производство. Невольно возникает вопрос: существовала ли когда-нибудь собственно украинская монета?

В середине 20-х годов нашего столетия на Украине началась оживленная дискуссия вокруг гипотез, по которым украинские монеты чеканили Богдан Хмельницкий и Петр Дорошенко.

В 1649 г. в Польшу приехал дипломатический агент русского царя дьяк¹ Григорий Кунаков. Он посетил Варшаву, был на приеме у короля, внимательно присматривался к событиям на украинских землях, охваченных пламенем освободительной войны. Об увиденном доложил царю Алексею Михайловичу в «Записке дьяка Григория Кунакова о добытых им в бытность в Польше сведениях касательно войны поляков с казаками в 1649 г., о сейме, о состоянии умов в Польше и проч.». Одно место в записке до сих пор не разгадано и вызывает жгучий интерес нумизматов, как и вообще исследователей истории Украины времен воссоединения. Словно вскользь, будничным тоном, Кунаков писал: «А в Чигирине де учинил Богдан Хмельницкий мынзу (монетный двор.— *Н. К.*) и денги делают, а на тех

¹ В России того времени дьяками называли не только духовных лиц, но и крупных правительственных чиновников.

новых денгах на одной стороне мечь, а на другой стороне, ево, Богданово, имя». Правда, одна деталь несколько снижает ценность сообщения: Кунаков не посетил лично Чигирин, не видел ни монетного двора Хмельницкого, ни его монет, а только слышал об этом.

Сообщение Григория Кунакова о монетах Хмельницкого настолько конкретно и ясно, что хочется воскликнуть: о чем тут спорить? Признаем факт чеканки монет в Чигирине в 1649 г. — и делу конец! Однако ситуация не настолько проста, как кажется на первый взгляд.

Во-первых, ни в одном украинском кладе XVII в. со многими тысячами монет до сих пор не обнаружена хоть бы одна монета Хмельницкого. Во-вторых, источник, из которого Кунаков узнал о выпуске монет в Чигирине, достаточно сомнительный. Русский посол слышал об этом от слуги литовского подканцлера Сапеги, некоего Адасия Бреимова, который вряд ли был вхож на гетманский монетный двор.

Наконец, обстоятельно изучив «Записку» Кунакова в целом, ученые убедились, что там вообще много неточных сведений и даже измышлений. Например, Кунаков подробно описал грандиозную битву между казаками и поляками, которой в действительности не было.

Историки-источниковеды справедливо считали весьма странным тот факт, что молва о таком важном событии, как начало чеканки монет на Украине, лишь один раз достигла Москвы. Ни до Кунакова, ни после него русские послы, купцы, служилые люди, посещавшие Украину в период освободительной войны, не упоминали о монетах Хмельницкого. Приведем лишь один пример. Вскоре после Кунакова русское правительство направило на Украину послов Неронова и Богданова, которые пробыли в Чигирине более недели, однако в своих отчетах даже не упомянули о гетманских монетах. Если бы производство монет на Чигиринском монетном дворе действительно имело место, русские послы неминуемо обратили бы на это внимание.

Ведь монета по своей природе массовая вещь, предназначенная для ежедневного и самого широкого употребления. После того как она выходит из ворот монетного двора и устремляется в денежное обращение, никак нельзя скрыть факт ее существования. Поэтому, решило большинство участников дискуссии, весть Кунакова о чеканке монет в Чигирине в 1649 г. лишена реальных оснований. Вполне возможно, предполагал кое-кто из ученых, что русский дипломат просто выдумал историю с монетами Хмельницкого, чтобы привлечь внимание правительства к своей особе.

Все это выглядело бы убедительным, если бы сообщение Кунакова о Чигиринском монетном дворе 1649 г. было единственным, как считали все без исключения участники дискуссии. Однако выяснилось, что в действительности «Записка» русского дипломата отнюдь не единственное документальное свидетельство в пользу чеканки монет на Украине в 1649 г.

В Главном архиве древних актов (Варшава) хранится письмо подольского воеводы графа Станислава Потоцкого к польскому королю Яну Казимиру от 29 октября 1652 г. В нем Потоцкий жалуется на своеволие Хмельницкого, который посягает на суверенные права короля и чеканит собственные деньги. Наконец, 21 декабря 1652 г. «Gasette de France» (Париж) опубликовала сообщение о том, что казачий гетман начал чеканить свою монету, чем вызвал протест польского короля.

Итак, есть три свидетельства, из которых следует, что Богдан Хмельницкий чеканил собственную монету в Чигирине. Но одних их недостаточно. Нумизматика — точная наука и основывается на материальных находках. Поэтому отсутствие в украинских кладах второй половины XVII в. монет, которые по крайней мере приписывались бы Хмельницкому, отвергает подобное предположение. А вот как можно объяснить сообщения трех источников о монетах Хмельницкого.

Освободительная борьба украинского народа 1648—1654 гг. привлекала внимание и его друзей и его врагов. Русское правительство, с одной стороны, и польское — с другой, внимательно следили за политическими и экономическими действиями казацкой администрации. Молва о монетах Хмельницкого могла возникнуть благодаря независимой внешней политике гетмана, его решительным мерам в сфере экономической жизни, в частности в области торговли. Ведь известно, что выпуск собственной монеты — едва ли не первый признак сильной и независимой страны. Неясная молва о монетах Хмельницкого вызвала интерес русского (Кунаков) и беспокойство польского (Потоцкий) правительств, приобрета, таким образом, форму официальных свидетельств. Сообщение французской газеты, по всей вероятности, отталкивается от письма Потоцкого, о котором могли узнать от членов французского посольства в Варшаве.

Следовательно, с точки зрения науки и чистой логики монет Хмельницкого в природе не существовало. Однако ничто не мешает предположить исключительное стечение обстоятельств, благодаря которым эти монеты все же могли чеканить. Представим себе, что в Чигирине в 1649 г. были изготовлены первые пробные образцы монет Хмельницкого, а кто-то посторонний их увидел. Молва быстро достигла Варшавы, и польское правительство, в подчинении у которого был тогда украинский гетман, потребовало немедленно прекратить выпуск монет. Неблагоприятные обстоятельства заставили Хмельницкого выполнить требование. В таком случае уже изготовленные монеты могли попасть в какой-то тайник, где и поныне ждут своего открывателя. Возможно, кому-то из наших читателей удастся найти монеты с изображением меча и именем Богдана.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно обстоятельство. Единственный «очевидец» монет Хмельницкого Адасий Бреимов рассказывал о них так,

словно действительно собственными глазами видел эти монеты: «...на одной стороне мечь, а на другой стороне ево, Богданово, имя».

Несколько лет тому назад выдающийся советский нумизмат И. Г. Спасский в беседе с автором этой книжки высказал предположение, что Бреимов не просто выдумал описание монеты Хмельницкого, а принял за нее какой-то реальный, современный ему нумизматический памятник. Но какой именно? Ученый посоветовал искать его среди польских памятных жетонов 40-х годов XVII в., на которых встречается имя «Богдан».

Совет И. Г. Спасского автор вспомнил, изучая коллекцию монет и медалей Государственного Эрмитажа в Ленинграде. Пересматривая лоток за лотком, шкаф за шкафом польские медали и жетоны XVII в., мы обратили внимание на небольшую, диаметром около 3 см, тонкую серебряную медаль. В каталоге собрания Эрмитажа она описана как медаль, отчеканенная в честь князя Богуслава Радзивилла. На одной стороне медали изображен меч (!), на котором висит лавровый венок, над ним — «всевидающее око» и солнце. Меч держит выступающая из-за облака рука. Вокруг изображения — надпись по латыни: «Propter titudine prudencia» («В храбрости — благоразумие»). На обратной стороне медали помещен весьма идеализированный портрет Радзивилла, вокруг которого надпись по латыни: «D. (ei) G. (ratia) Boguslaus Radzivill Dux» («Божьей милостью Богуслав Радзивилл князь»).

Описанная медаль Богуслава Радзивилла по размеру, весу, толщине, фактуре, наконец, низкими, словно сглаженными рельефами обеих сторон чрезвычайно напоминает монету, в частности распространенный в Польше и на Украине орт XVII в. Следовательно, эту медаль нетрудно было принять за монету. Вряд ли татарин по происхождению Бреимов был силен в латыни, он мог ошибочно прочесть «Богдан» вместо «Богуслав», поскольку корень обоих этих слов одинаков. В таком случае медаль Богуслава Рад-

зивилла может соответствовать данному в «Записке» Кунакова описанию монеты Богдана Хмельницкого.

Остается ответить на вопрос: кто был Богуслав Радзивилл и в честь какого события в его жизни отчеканена медаль? Выходец из знатного и могущественного литовского княжеского рода, он, однако, в течение всей жизни оставался в тени своих родственников, высоких должностных лиц Великого княжества Литовского — канцлера Альбрехта, гетмана Януша и маршалка Александра. Поэтому о Богуславе Радзивилле известно мало. Родился он в 1620 г., участвовал в сражениях против войск Хмельницкого в период освободительной войны украинского народа против феодальной Речи Посполитой 1648—1654 гг.

Как мы уже отмечали, медаль Богуслава не имеет даты, и это усложняет дело. В каталоге польских монет и медалей, составленном Э. Гуттен-Чапским, сказано, что Богуслав Радзивилл отличился в боях с казаками в 1649 г. Можно думать, что он был участником битвы между литовским войском гетмана Януша Радзивилла и казаками Кричевского под Речицей летом 1649 г. и что медаль отчеканена в память об успехе князя в этой операции, тем более, что сражение окончилось победой литовских войск. На медали изображен молодой человек, что также свидетельствует в пользу мнения о выпуске медали в 1649 г.

Как и когда медаль Богуслава могла попасться на глаза Бреимову? Составленный Кунаковым после возвращения из Польши в Россию «Статейный список», представляющий собой подробный отчет о его поездке, содержит важную для нас деталь. Рассказывая о приеме у короля, русский дипломатический агент перечисляет присутствовавших при этом вельмож; среди них был и «Богуслав Радзивилл, конюшей (начальник над государственными конюшнями.— Н. К.) Великого княжества Литовского». Можно предположить, что медаль в честь военного успеха Богуслава Радзивилла отчеканили, когда он находился в Варшаве, и князь, в соответствии с обычаями своего вре-

мени, дарил ее друзьям. Одну из этих медалей, подаренную, возможно, Казимиру Сапеге, мог случайно, мельком увидеть слуга последнего Бреимов. О том, что медаль Богуслава Радзивилла была выпущена немалым тиражом, свидетельствует наличие в коллекции Эрмитажа еще одного экземпляра, идентичного описанному, но вызолоченного.

Участники дискуссии 20-х годов затронули еще одну интересную проблему — чеканку монет Петром Дорошенко, который был гетманом на Правобережной Украине в 1665—1676 гг. Дорошенко — одиозная личность в украинской истории. Он изменил своему народу, запутался в политических интригах, пошел на службу к турецкому султану, помогал ему уничтожать десятки тысяч народных повстанцев. Дорошенко приписывали чеканку собственных денег сначала в Тарговице (Валахия), а потом в Лысянке.

Однако более поздние исследования показали, что на Тарговицком монетном дворе изготавливали турецкие и татарские монеты, к чему Дорошенко не имел никакого отношения. Сложнее обстоит дело с чеканкой в Лысянке. Обнаружилось, что там в самом деле работал монетный мастер Дорошенко Янко Гранковский. Позднее он был взят в плен русскими войсками и на допросе в Малороссийском приказе в Москве признался, что в течение 1669—1673 гг. чеканил деньги для Дорошенко. Гранковскому, как говорят, некуда было деться, так как в момент пленения при нем нашли «снасть» для изготовления монет, в частности штемпели.

Изучение протоколов допроса Гранковского и описания его инструментов дает возможность установить, какие именно монеты чеканил он в Лысянке. Оказывается, что мастер всего-навсего подделывал современные ему польские деньги: чехи (полуторагрошевики), шеляги (солиды) и шестаки (шестигрошевики). По сути он был фальшивомонетчиком, но не самостоятельным, поскольку работал по разрешению и для выгоды Дорошенко. Понятно, что такие монеты никак нельзя считать украинскими.

Тем не менее важно было бы отыскать монеты, отчеканенные в Лысянке. Сделать это очень нелегко, так как со- лее распространенным монетам украинского рынка второй половины XVII в. И все же такая возможность есть. На допросе Гранковский рассказал, что, перед тем как чеканить фальшивую монету для Дорошенко, он работал на королевском монетном дворе во Львове. Отсюда естественно сделать вывод, что скорее всего Гранковский в Лысянке продолжал изготавливать те же монеты, что и во Львове.

Львовский монетный двор функционировал в 1656—1663 гг. На нем чеканили различные монеты (тимфы, орты и шестигрошевики). Нас интересуют только названные в признании Гранковского, а из них во Львове делали шестигрошевики и орты (табл. XVI, 3). Поэтому искать монеты лысянского производства следует среди шестигроше- виков и ортов со знаком Львовского монетного двора 1656—1658 и 1660—1663 гг. Сложнее обстоит дело с солидами и полуторагрошевиками. У нас нет сомнения в том, что Гранковский подделывал именно медные польские солиды Яна Казимира (см. табл. XIV, 1а). Во-первых, это было легко сделать, поскольку упомянутые монеты чеканились очень примитивно. Во-вторых, фальсифицирование медных солидов было целесообразным еще и потому, что они преобладали на рынке. Среди известных нам медных солидов Яна Казимира 1661—1666 гг. чрезвычайно много фальшивых монет. Возможно, в руки автору попадали и отчеканенные в Лысянке.

Трудно сказать что-либо определенное о полуторагроше- виках — самой распространенной монете на Украине первой половины XVII в. Какие именно группы полутора- грошевиков привлекли внимание Гранковского, неизвестно. Нумизмат В. А. Шугаевский считал, что в Лысянке чеканили полуторагрошевики Яна Казимира с датами вплоть до 1662 г., но с этим трудно согласиться, поскольку такие монеты были мало распространены на украинском рынке

и потому появление фальшивых сразу бы заметили. Нам кажется, что Гранковский подделывал полуторагрошевики Сигизмунда III чеканки 1621—1627 гг. Эти монеты обнаружены во всех без исключения кладах XVII в. на Украине. Встречаются клады в три, пять, десять тысяч монет, состоящие только из полуторагрошевиков Сигизмунда III.

Как же найти монеты, фальсифицированные при Дорошенко в Лысянке, среди огромного монетного массива XVII в.? Современная нумизматическая наука имеет большие возможности для этого. Уже говорилось о предложенном советским ученым И. Г. Спасским методе изучения монет сопоставлением технических особенностей их штемпелей. Этот способ, на наш взгляд, может помочь и при поисках «монет Дорошенко».

Известно, что каждая монета является отиском двух штемпелей — лицевого и оборотного. На каждом официальном монетном дворе использовались характерные только для него штемпели, к тому же в XVII в. на них наносили специальные метки, так что есть возможность отличить, скажем, шестигрошевики львовской чеканки от подобных монет краковского производства. Штемпели фальшивомонетчиков менее совершенны, нежели штемпели монетных дворов, и потому выполненные с их помощью монеты выделяются из массы. Изучение монет по техническим особенностям их штемпелей может дать в руки исследователей ключ к нелегальному монетному двору Дорошенко в Лысянке.

В конце концов, разбирая монеты по штемпелям, мы выделим фальшивые монеты, а среди них будем искать выпущенные Дорошенко. Лучше всего было бы проделать это исследование на большом кладе монет конца XVII в., выкопанном в Лысянке или вблизи нее. Но пока что такой клад не найден. Кто знает, может быть как раз в ту минуту, когда пишутся эти строки, в лесу вблизи Лысянки из дупла старого дуба вынимают кувшин со многими тысячами монет и среди них есть отчеканенные Гранковским?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы рассказали о кладах и искателях кладов — как о любителях легкой наживы, так и об ученых, которые исследуют находки старинных монет. Читатель побывал в творческой лаборатории нумизмата, познакомился с его орудиями производства и методикой исследований. Мы коротко рассказали о средневековых монетных дворах, охарактеризовали денежное обращение на территории Украины в течение более чем тысячелетнего периода, наконец, вспомнили о до сих пор не выясненных тайнах нумизматической науки.

Тема этой книги заставила нас рассматривать монеты преимущественно как специфический источник изучения денежного хозяйства и торговли прошлого. Однако значение нумизматического материала выходит за эти пределы.

Прежде всего монета является полноценным историческим источником. С помощью легенд и изображений на нумизматических памятниках прошлого удается устанавливать имена и годы правлений феодальных властителей. Информация, которую несут в себе монеты, позволяет реконструировать политическую карту далекого прошлого, нанося на нее государства, места и даты битв, о которых не упоминают письменные источники. В особенности это касается периода VIII—XV вв. отечественной истории, недостаточно отображенного в письменных источниках.

Искусствовед увидит на монетах изображения архитектурных сооружений, произведений живописи и скульптуры древности, значительная часть которых не сохранилась. Например, большинство произведений прославленного древнегреческого скульптора Фидия современные ученые знают лишь по древнегреческим монетам. То же можно сказать и о немалом количестве греческих и римских

храмов и других сооружений, с которыми ученые смогли познакомиться только благодаря античным монетам.

Монеты донесли до нас костюмы, прически, оружие и предметы домашнего обихода тех времен, от которых не сохранились картины и рисунки. Нет нужды объяснять, как это важно для исследователей быта. Изучение монет дает возможность определить уровень монетного производства и техники чеканки на средневековых монетных дворах. Характер написания букв легенд позволяет палеографам изучать стили письма и т. д.

Каждый монетный клад является драгоценным и неповторимым памятником прошлого, а потому он не должен остаться неизвестным науке. К сожалению, не все клады попадают в государственные музеи. Часть их разворовывается и затем распродается ловкими дельцами. Это не только нарушает действующие законы, но и причиняет непоправимый ущерб науке. Поэтому мы призываем читателей прилагать все усилия к тому, чтобы найденный монетный клад был передан в музей или иное научное учреждение.

Одна из основных задач, которую мы ставили перед собой при написании этой книги, состоит в том, чтобы показать, что нумизматика, как всякая подлинная наука, непрерывно развивается, что истина рождается как на рабочем столе нумизмата-исследователя, так и в борьбе идей.

Монета как источник изучения истории, экономики, искусства, быта и других сторон жизни прошлого скрывает в себе еще много до сих пор не познанных возможностей. Поэтому мы уверены, что нумизматика имеет большое будущее в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА¹

- Ильин А. А. Топография кладов древнейших русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924.
- Романов Б. А. Деньги и денежное хозяйство.— В кн.: История культуры древней Руси. Т. 1, М.-Л., 1948.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пгр., 1921.
- Сиверс А. А. Топография кладов с пражскими грошами. Пгр., 1922.
- Котляр М. Ф. Галицька Русь у другій половині XIV—першій чверті XV ст. Историко-нумізматичне дослідження. К., 1968.
- Ильин А. А. Классификация русских удельных монет. Вып. 1. Л., 1940.
- Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. (В кн.: Археологический ежегодник за 1959 г. М., 1960).
- Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970.
- Шугаевский В. А. Монета и денежный счет в Левобережной Украине в XVII веке. Чернигов, 1918.
- Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1969.
- Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. К., 1971.

¹ Список приведен в соответствии с хронологией денежного обращения на Украине в эпоху средневековья.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Искатели кладов	5
Клад найден	25
Кто, как и зачем закапывал монетные клады?	37
Клад рассказывает о себе	41
Закономерности в тысячах случайностей	46
На средневековом монетном дворе	59
Визитная карточка правителя	77
Что носили в кошельках наши предки	84
Монеты, до сих пор еще не найденные	112
Послесловие	125
Литература	127

Николай Фёдорович Котляй

КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО И НУМИЗМАТИКА

(Перевод с украинского)

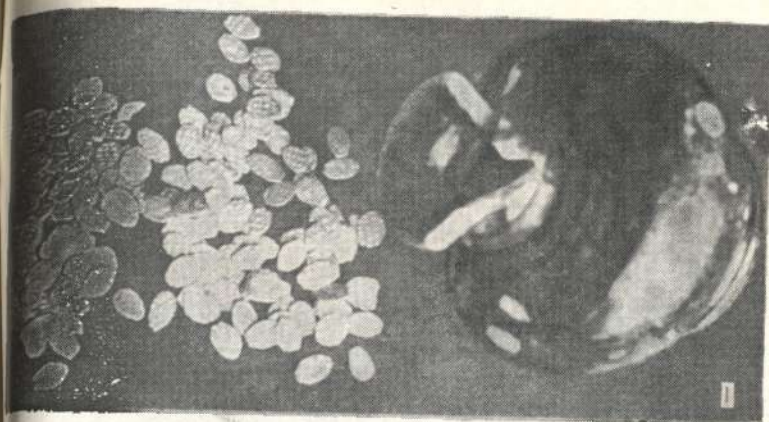
Печатается по решению Редакционной коллегии научно-популярной литературы АН УССР

Редактор С. М. Хазанет. Оформление художника Г. М. Балюна. Художественный редактор В. П. Кузь. Технический редактор Г. Р. Боднер. Корректор З. П. Школьник

Сдано в набор 24.X 1973 г. Подписано к печати 23.I 1974 г. Зак. № 963. Изд. № 310. Тираж 80 000. Бумага № 1, 70×108¹/₃₂. Печ. физ. листов 4,0+0,5 на мел. бум. Условн. печ. листов 6,3. Учетно-изд. листов 7,89. Цена 35 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев-4, Репина, 3.

Киевская книжная типография научной книги Республиканского производственного объединения «Полиграфкинига» Госкомиздата УССР, Киев, Репина, 4.

3

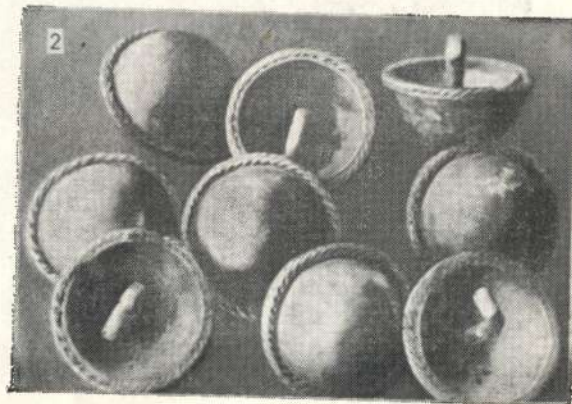

Табл. I. 1. Типичный клад монет XVII в. (уменьшено вдвое); 2. Серебряные пуговицы из Глинянского клада; 3. Перстни из Глинянского клада.

Примечание: Здесь и далее вещи и монеты показаны с уменьшением на $\frac{1}{2}$ их натуральной величины, за исключением обусловленных случаев.

Табл. II. 1. Мужской перстень с печатькой из Глинянского кла-
да; 2. Нидерландский серебряный флорин 1618 г. из Глинян-
ского клада; 3. Зальцбургский талер 1624 г. из Глинянского кла-
да; 4. Гданьский орт Сигизмунда III 1615 г. из Глинянского
клада.

Табл. III. 1. Голландский дукат 1631 г. из Глинянского клада;
2. Чешские монеты: а) стертый пражский грош, б) пражский
грош Вацлава II хорошей сохранности; 3. Монета Владимира
Ольгердовича (увеличено вдвое); 4. Княжеский знак на монете
Владимира Ольгердовича (увеличено вдвое).

1

2

3

4

Табл. VI. 1. Рублевик Алексея Михайловича на талере; 2. «Ефимок с признаком» на польском талере Яна Казимира; 3. Римский денарий; 4. Куфический дирхем IX в.

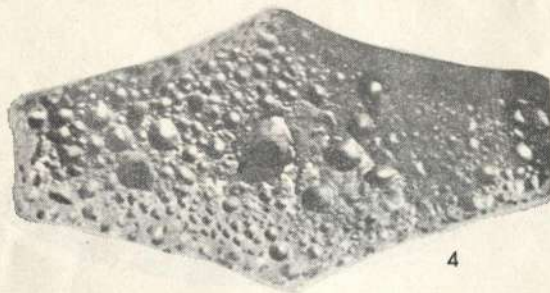
1

2

3

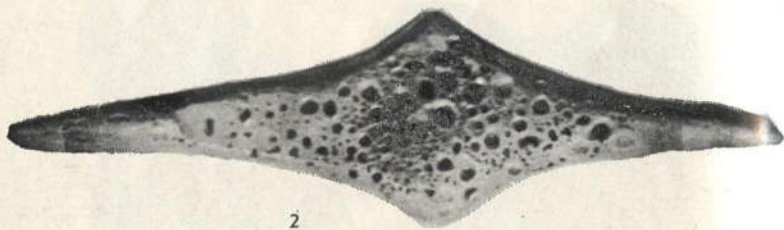

4

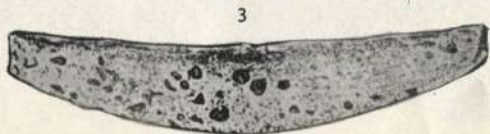
Табл. VII. 1. Фрагмент куфического дирхема; 2. Сребреник Владимира Святославича; 3. Византийский милнарий конца X — начала XI в.; 4. Киевская гривна.

1

2

3

Табл. VIII. 1. Новгородская гривна; 2. Черниговская гривна; 3. «Татарская» гривна (все — $\frac{2}{3}$ натуральной величины)

1

2

3

4

5

6

Табл. IX. 1. Джучидский дирхем XIV в.; 2. Пражский грош XIV в.; 3. Краковский грош Казимира III; 4. Галицкая монета Людовика Венгерского; 5. Галицкая монета Владислава Ягайла; 6. Польский полу-грош Владислава Варненчика.

Табл. X. 1. Литовский денарий XIV в.; 2. Литовский грош Сигизмунда I 1535 г.; 3. Златник Владимира Святославича; 4. Дукат лигницкого князя Вацлава, XIV в.; 5. Вестфальский талер 1663 г.

Табл. XI. 1. Испанский обрезанный талер (8 реалов) XVI в. с польской контрамаркой. Лицевая сторона (увеличено в 1,2 раза); 2. Голландский левендальдер 1641 г.; 3. Голландский дукат 1645 г.; 4. Полуталер (1/2 патагона) 1623 г. из подвластных Испании Нидерландов, чеканка Турне.

1

2

3

Табл. XII. 1. Четвертьталер (1/4 патагона) без даты из под-
властных Испании Нидерландов, чеканка Турне; 2. Польский
орт 1621 г.; 3. Польский тимф 1663 г.

1

2

4

5

3

Табл. XIII. 1. Польский шестигрошевик 1596 г.; 2. Польский
полторагрошевик 1617 г.; 3. Флорин города Девентера 1618 г.;
4. Польский грош 1607 г.; 5. Польский трехгрошевик Сигизмун-
да III конца XVI в.

Табл. XIV. 1. Медные солиды Речи Посполитой: а) польский 1659 г., б) литовский 1665 г.; 2. Медный пятак Петра I; 3. Медная полушка ($\frac{1}{4}$ копейки) Петра I; 4. Серебряная копейка Петра I.

Табл. XV. 1. Гривенник Петра I; 2. Полуполтинник Петра I; 3. Двойной червонец Петра I; 4. Рубль Петра I.

а

б

а

б

а

2

б

3

Табл. XVI. 1. Медная (а) и серебряная (б) копейки Петра I; 2. Монета, приписываемая Роману (а), монета Владимира Ольгердовича (б) (обе увеличены вдвое); 3. Польский орт, отчеканенный во Львове в 1660 г.